

VII Международная научная конференция

ПРАВО: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Санкт-Петербург

УДК 340 (082)
ББК 67
П68

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, Р. М. Искаков, И. Б. Кайгородов, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, А. Н. Кошербаева, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Е. В. Матвиенко, Т. В. Матроскина, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, М. С. Федорова, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), Р. М. Искаков (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), А. Н. Кошербаева (Казахстан), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Э. Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), М. С. Федорова, Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан), З. Н. Шуклина (Россия)

Право: история, теория, практика : VII Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, октябрь 2019 г.) / [под ред. И. Г. Ахметова и др.]. — СПб. : Свое издательство, 2019. — iv, 28 с.

ISBN 978-5-4386-1788-4

В сборнике представлены материалы VII Международной научной конференции «Право: история, теория, практика».

Рассматриваются общие вопросы педагогики и системы образования, а также проблемы дошкольной, школьной и внешкольной педагогики, педагогики среднего и высшего профессионального образования и пр.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов педагогических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 340 (082)
ББК 67

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Жильцова О.С.

История становления и развития института референдума 1

Карауш Т.А.

Особенности интерактивных выборов в Российской Федерации 3

Turdiyev K.

Question time as an effective form of parliamentary oversight 4

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Косенко Ю.В.

Особенности производства по административным делам об оспаривании постановлений, действий (бездействия) судебных приставов-исполнителей, других должностных лиц, имеющих отношение к исполнительному производству 8

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Курчинская-Грассо Н.О.

Процессуальные проблемы защиты прав опеки и прав доступа на основании международного договора 11

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Барышникова П.С.

Актуальные проблемы становления и развития уголовно-процессуальной политики в Российской Федерации 14

Борохова Н.Е.

Принципы уголовного судопроизводства в суде присяжных 16

Захаренков Д.А.

О необходимости реформации статьи 127.1 УК РФ 18

Лефтерова В.В.

Основные причины экспертных ошибок в уголовном процессе 20

Петракова М.С.

Проблемы реализации основных положений презумпции невиновности в прениях и последнем слове подсудимого 22

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Музаев А.А.

К вопросу о правовом статусе осужденных 26

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

История становления и развития института референдума

Жильцова Оксана Сергеевна, студент магистратуры

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

В статье анализируется институт референдума как наиболее точный правовой инструмент учета общественного мнения при решении задач местного, регионального и федерального уровней. Исследуется история становления института референдума от первобытного до современного общества. Обозначаются проблемы широкого использования института референдума в государственном и муниципальном управлении.

Ключевые слова: референдум, опрос общественного мнения, история референдума.

Слово «референдум» в переводе с латинского означает «то, что должно быть сообщено». Референдум играет важную роль в современном демократическом обществе. В науке различают две формы демократии: непосредственную и представительную (опосредованную). Опосредованная демократия реализуется посредством различных форм представительства. Референдум является разновидностью непосредственной демократии. Данная форма волеизъявления позволяет населению излагать свою волю без посредников и дает возможность принимать участие в государственном управлении, решая наиболее важные вопросы. Референдум рассматривают в качестве высшей формы непосредственной демократии [1, с. 296–297].

Референдум в современном обществе является достаточно дорогостоящим мероприятием и, в этой связи, проводится лишь в исключительных случаях и только по очень важным вопросам. На практике он часто подменяется опросом граждан, так как это мероприятие не несет такой большой нагрузки на местные, региональные и федеральный бюджет. Но здесь возможны манипуляции. Поэтому значимость института референдума как наиболее точного инструмента учета общественного мнения при решении важных вопросов трудно переоценить.

Истоки референдумного права лежат в первобытном обществе. Т. В. Кашанина отмечает, что «прообразом референдума можно считать собрание взрослых членов общества того далекого периода. Архаика и примитивизм органа управления первобытным обществом, каким являлось собрание взрослых членов, не должны помешать сравнению с реалиями сегодняшнего дня. Напротив, данное сравнение не позволит нам зазнаваться и считать, что наше общественное развитие и управление обществом есть верх совершенства» [2, с. 322].

Собрание взрослых членов первобытного общества существовало практически во всех племенах и являлось их органом управления. В зависимости от преобладающего

способа производства или способа добывания продуктов потребления собрания проводились и с определенным субъектным составом. Так, если племя занималось земледелием и скотоводством, то созывались все мужчины и женщины, как непосредственные участники соответствующего способа производства. Если же основным источником пропитания являлась война, то созывались только члены племени, способные носить оружие и участвовать в боевых действиях — войны. Как правило, женщины не обладали правом голоса на подобных собраниях.

Ход собрания регулировался определенным лицом, как правило вождем или руководителем совета старейшин. «Обычно вестник предводителя племени скликал людей по поселку (лагерю) громким голосом. Народ, собравшись, садился рядами, а на особом возвышении рассаживались старейшины (вожди). Вождь сам или через вестника оглашал свое решение или то, что надумали все вожди вместе. Нередко поднимался шум, в котором сначала ничего нельзя было разобрать: одни одобряли решение, другие выражали неудовольствие. Вожди не спрашивали по очереди мнение простых людей. Они были довольны, когда слышали больше одобрительных криков. Если беспорядок становился велик, какой-нибудь сильный и строгий вождь начинал расправляться палкой налево и направо. Особенно доставалось тем смельчакам, кто, разойдясь, чересчур уж поносил вождей», — отмечает Т. В. Кашанина [2, с. 323].

На Руси прообразом референдума считается вече, проводимые в Новгороде, Пскове, Киеве и др. городах.

«Согласно Новгородской судной грамоте вече — это орган, объединяющий все элементы политической системы Новгородской республики, к которым относились посадники, тысяцкие, бояре, владыка, князь и другие должностные лица. Кроме того, на нем присутствовали житьи люди, купцы, ремесленники а также представители всех пяти регионов Великого Новгорода» [3, с. 304; 2, с. 324].

Вече выступало одним из инструментов наделения полномочиями высших должностных лиц. Наиболее часто итогом вече было призвание князя и законодательство. К ведению вече в Новгороде относились также вопросы: избрание и смещение посадников, тысяцких и владык; назначение новгородских воевод, посадников и воевод в провинции; контроль за деятельностью должностных лиц; внешние сношения; торговые соглашения с Западом; пожалование земель; установление торговых правил и льгот; установление повинностей населения и контроль за их отбыванием; контроль за судебными сроками и исполнением решений; в исключительных случаях — непосредственное разбирательство дел [4, с. 132, 133].

Важную роль при приведении вече играли представители пяти частей Новгорода. Они разрешали вопросы в зависимости от своей выгоды. В каждой из частей (концов) города действовала своя система самоуправления. Кроме представителей «концов», участниками вече были высшие должностные лица (посадники и тысяцкие) и представители всех социальных слоев города [5, с. 49].

Слово «референдум» вошло в широкий оборот благодаря культивированию этого института в Швейцарии. Родиной же референдума в его современном виде считается Северная Америка периода колонизации. В 1640-м году там было впервые проведено подобное мероприятие (колония Массачусетского залива). На референдум выносился и вопрос о принятии конституций многих штатов. Многочисленные конституционные акты наполеоновской империи также получали свою легитимацию в ходе референдумов.

В России институт референдума в его современном виде берет свое начало в период после Февральской революции 1917 года. Дискуссия по его введению имела место на заседании созданной Временным правительством Особой комиссии по составлению проектов основных законов. В то время вопрос о необходимости введения и активного использования института референдума не получил поддержки большинства членов комиссии. Высказывались опасения о необходимости и возможности существования института референдума в рамках национальной правовой системы. Полагали, что возложенные на данный правовой институт задачи успешно могут быть решены в рамках верхней палаты будущего российского парламента [2, с. 329–330].

Советский период времени характеризуется неприятием любых форм агитации и пропаганды, противоречащих единой центральной идеи, насаждаемой правящей верхушкой. Страна Советов не нуждалась в советах, в том числе и со стороны ее собственного народа. Авторитаризм, пришедший на смену тоталитарному режиму, создавал лишь видимость поддержки демократических институтов. В Конституции СССР 1977 года были закреплены такие формы непосредственного народовластия как всенародное обсуждение и всенародное голосование (референдум), но они не нашли своего реального отражения в правовой жизни.

Закон о референдуме в нашей стране был впервые принят в 1990-м году, в период правления Б.Н. Ельцина. Первый референдум был проведен 17 марта 1991 года по вопросу о введении поста Президента РСФСР. Следующий референдум был проведен 25 апреля 1993 года по вопросам доверия Президенту РФ и проведения досрочных выборов народных депутатов РФ. Третий и последний референдум на федеральном уровне (уровне РФ) был проведен 12 декабря 1993 года по вопросу принятия Конституции РФ. Большинство граждан помнит только референдум по вопросу о принятии Конституции РФ, что не говорит о низкой электоральной культуре, а скорее является отражением факта частого упоминания этого события в средствах массовой информации, особенно во время празднования государственного праздника — День Конституции РФ.

Легитимность принятия Конституции РФ по результатам проведенного референдума некоторые ученые ставят под сомнение. Так, В.А. Черепанов отмечает, что численность населения, проживающего на территории России на тот период составляла 148 335 867 человек. При этом численность избирателей составляла 106 170 835 человек (71,5% от общего числа населения России). В голосовании участвовали 54,8% избирателей, из которых положительно высказались о принятии Конституции РФ — 58,4%, что составило 32% от всего количества избирателей, или 22,8% от всего российского народа [6, с. 131].

Значимость института референдума для истории России была продемонстрирована в вопросе присоединения Крыма в 2014-м году. Тогда гражданам, проживающим в Крыму, предложили выбрать либо вхождение Крыма в состав России в качестве субъекта федерации, либо восстановление Конституции Республики Крым 1992 года при сохранении Крыма в составе Украины. Итог референдума теперь известен всем — возвращение Крыма «в родную гавань». Это историческое событие, которое невозможно переоценить.

Таким образом, история развития института референдума свидетельствует о его низкой реализации на государственном уровне. Да и в тех редких случаях, когда он использовался легитимность принимаемых по его результатам решений весьма уязвима, так как обеспечить «все-народное» участие в нем весьма проблематично.

Конечно, референдум не следует рассматривать в качестве «манны небесной». Человечество знает немало примеров, когда принимались непопулярные решения, но они, как показывал дальнейший ход истории, были единственно верными. Несмотря на это, учитывать «голос народа» при принятии важных решений важно на всех уровнях управления. Это повышает доверие к власти, снимает напряжение в обществе.

Следует констатировать, что несмотря на наличие исторического опыта в организации и проведении референдума и иных аналогичных институтов в нашей стране, в настоящее время институт референдума пребывает в стагнации и рискует перейти в разряд «хрестоматийных примеров».

Литература:

1. Чиркин В. Е. Конституционное право России / В. Е. Чиркин. — М., 2009. — 528 с.
2. Кашанина, Т. В. Структура права: монография / Т. В. Кашанина. — М.: Проспект, 2014. — 584 с.
3. Новгородская судная грамота // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. 1984. — 432 с.
4. Институты самоуправления: историко-правовое исследование / Графский В. Г., Ефремова Н. Н., Карпец В. И.; Отв. ред.: Мамут Л. С. — М.: Наука, 1995. — 301 с.
5. Муниципальное право России: уч. для бакалавриата и магистратуры / под ред. А. Н. Кокотова. — М.: Юрайт, 2018. — 444 с.
6. Черепанов, В. А. Народ и государство: о доктринальном толковании конституционной модели / В. А. Черепанов // Журнал российского права. — 2019. — № 1. — С. 129–142.

Особенности интерактивных выборов в Российской Федерации

Карауш Татьяна Анатольевна, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В рамках выборов в Мосгордуму, которые состоялись 8 сентября 2019 года, хотелось уделить отдельное внимание электронному голосованию. В первую очередь отметим, что такая возможность была предоставлена только трем округам. Удаленно проголосовать могли граждане, достигшие 18 лет и зарегистрированные на территории этих округов. Собственно, данный формат на территории Москвы использовался впервые и носил экспериментальный характер.

Для реализации указанного права от избирателей требовалось предварительно зарегистрироваться в личном кабинете на Официальном портале Мэра и Правительства Москвы mos.ru, указав ряд персональных данных, а именно: ФИО, дату рождения, данные паспорта, СНИЛС, номер мобильного телефона и адрес регистрации на территории соответствующего избирательного округа.

Следующий шаг данной процедуры предполагал подтверждение учетной записи. К сожалению, данный этап вносит в удаленную возможность взаимодействие элемент «пешего» участия, а именно, гражданину необходимо было лично обратиться в районный многофункциональный центр «Мои документы» для получения доступа к соответствующим сервисам голосования. Заявиться для включения в реестр электронных избирателей требовалось не позднее, чем за три дня до выборов. Отметим, что подача заявок была доступна на протяжении 45 дней.

Второй этап был связан с направлением на личный телефон избирателя кода подтверждения, который можно было получить в момент голосования при переходе в форму электронной бюллетени — его правильный ввод обеспечивал доступ к электронному бюллетеню. Затем система, почти мгновенно, проводила процедуру обезличивания для обеспечения тайны голосования.

И наконец, на последнем этапе процесса электронного голосования избирателям предстояло отметить галочкой выбранного кандидата. Особенность заключалась в том,

что на голосование отводилось 15 минут и, вне зависимости от того, был ли заполнен бюллетень или нет, избирательное право гражданина считалось реализованным.

Электронные выборы предусматривали два варианта участия, в первом случае гражданин выражал свое волеизъявление путем непосредственного голосования, а во втором предоставлялась возможность участия в качестве наблюдателя.

Статус электронного наблюдателя мог получить любой гражданин. Значительной особенностью такого статуса являлась возможность осуществления поставленных задач дистанционно, а именно следить через ноду наблюдателя независимой организации или наблюдать на портале mos.ru. [1] Непосредственно на электронном участке могли находиться лишь зарегистрированные наблюдатели.

Расшифровка голосов и ведение подсчета результатов производилось в блокчейн-сети, но ручной пересчет голосов также был доступен. Система видеонаблюдения позволила любому желающему визуально оценить процесс вывода из системы блокчейн-сети информации о каждом голосе. В конечном итоге электронные голоса суммировались с бумажными и подсчитывался общий результат выборов в избирательном округе.

Ответственные лица заявляют, что электронные выборы абсолютно безопасны, однако существует уязвимость при атаке хакеров. Но и этот момент маловероятен, поскольку сама интернет-форма предоставляется по закрытому каналу связи.

Интересно обратить внимание на то, что в ходе предварительного тестирования работоспособности системы электронного голосования хакерам было предложено взломать ее за вознаграждение. По итогам данного эксперимента, французский криптограф Пьеррик Годри (Pierrick Gaudry) опубликовал работу «Взлом схемы шифрования московской системы интернет-голосования». В результате ему удалось обойти систему примерно за 20 минут при использовании

обычного компьютера и выявить проблему использования слишком короткого ключа шифрования.

Разработчики Департамента информационных технологий города Москвы (ДИТ) сообщили, что длина ключей будет увеличена, однако она все равно будет меньше рекомендованной Годри. При этом было отмечено, что несмотря на возможность взлома, анонимность голосования не пострадало. Тем не менее, законодательство Российской Федерации может быть нарушено трансляцией хода выборов в реальном времени. [2]

В свою очередь Общественная палата города Москвы опубликовала в социальных сетях следующие опасения: «В случае неоднократного взлома систему придется признать неработоспособной и отменить электронное голосование. Однако, его проведение уже утверждено городским законом». [3]

На мой взгляд, помимо технических недочетов, существенной проблемой электронных выборов можно считать низкое доверие граждан к результатам такого способа голосования. Например, незадолго до выборов НИУ ВШЭ провело опрос в социальных сетях на предмет отношения москвичей к электронным выборам. По его итогам большинство голосовавших продемонстрировали негативное

отношение к такой форме голосования, многие аргументировали это опасением фальсификации результатов выборов.

Подводя итог вышесказанному, подчеркну, что электронные выборы — важный шаг для формирования электронного государства и электронной демократии. Учитывая тенденции цифровизации многих аспектов государственной деятельности, такого рода эксперименты, пусть даже не самые удачные, закладывают базу для формирования в Российской Федерации более продуманной и безопасной системы информационно-коммуникационных технологий взаимодействия государства и гражданского общества.

Однако сама возможность хакерского вмешательства невольно подталкивает к мысли о том, что данный недочет влечет риск вольной или невольной фальсификации результатов голосования заинтересованными лицами, что однозначно оправдывает опасения избирателей относительно электронной формы проведения выборов.

В целом, говоря о положительных сторонах, уместно будет сказать, что несмотря на возникшие проблемы, нужно продолжать совершенствовать данное направление, поскольку электронное голосование позволяет расширять территориальные и временные границы, делая выборы более доступными и привлекательными для избирателей.

Литература:

1. Электронные выборы в Московскую городскую Думу — URL: <https://www.mos.ru/city/projects/blockchain-vyboru/>. (Дата посещения: 13.09.2019)
2. URL: <https://meduza.io/cards/kriptograf-vzlomal-sistemu-internet-golosovaniya-v-moskve-my-tozhe-eto-sdelali-vy-tozhe-mozhete>. (Дата посещения 14.09.2019)
3. URL: https://vk.com/wall-93171584_441 (Дата посещения 14.09.2019)
4. Касама В. А. — URL: https://vk.com/wall-182386519_46. (Дата посещения 14.09.2019)

Question time as an effective form of parliamentary oversight

Khayitjon Turdiev, the independent researcher
Tashkent state university of law, Uzbekistan

This article analyses the question time in Uzbekistan as a parliamentary accountability mechanism. Issues to aspects of parliamentary questioning are discussed and measures to maximize the value of questions as a tool of government are suggested.

Key words: *parliamentary oversight, question time, parliamentary session, frequency of questions, House of Representatives.*

Турдиев Хайитжон Усманкул угли, соискатель
Ташкентский государственный юридический университет (Узбекистан)

There may not be democratic system of government without transparency and accountability. The primary responsibility in this field falls squarely on the shoulders of parliament. In a modern state where the organization of state power is based on the principle of separation of powers, parliament is vested with the right to control over

the activities of executive bodies. At present, the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, according to the constitution of the country, has three main functions: representative, legislative and control. [1, P-72] Through its core oversight function, parliament holds the government to account on behalf of the people, ensuring that government policy and

action are both efficient and commensurate with the needs of the public. Parliamentary oversight is also crucial in checking excesses on the part of the government. Parliament is also called upon to ensure that agreed policy is properly implemented and delivered to target citizens. This is the role of parliamentary oversight. Currently, contemporary parliaments enjoy a wide range of tools and mechanisms of control over the executive that didn't exist previously. P. Pennings have highlighted several tools and mechanisms of oversight that legislature exercise over the actions of the executives such as hearings in committees, hearings in the plenary assembly, the creation of inquiry committees, parliamentary questions, question time, the interpellations and the ombudsman and many others. [2, P. 3] Indeed, the scope and extent of the parliamentary oversight power have widened considerable throughout the time.

The need for improvement of the parliamentary oversight institute in Uzbekistan's legislation has been increasing year by year. In the speech by President Shavkat Mirziyoev at a videoconference (On July 12, 2017) with representatives of Chambers of Oliy Majlis, political parties and the Ecological Movement of Uzbekistan determined that it is necessary to make appropriate changes and additions to the Law on Parliamentary control and to introduce the institute of Question time in the Legislative Chamber based on the experience of developed countries such as France, Great Britain and Germany". [3, P. 539] It should be noted that, such a mechanism is crucial for hearing reports from government members and making relevant decisions.

In accordance with the law [4] in 2018, the institute of question time introduced to the national legislation. Question time is, by definition, a request for information. Regular questioning can be used by parliament to hold the government to account. Of course, parliamentarians can obtain information by other means, such as informal connections with key figures in the administrative machinery of state. In order to properly monitor the executive, it is essential for members of parliament to be properly informed of the policies of the executive and its ministries. Government responses to parliamentary questions may lead to the publication of valuable information. Questions can often be asked in oral or written form. Article 10¹ of the law of the Republic of Uzbekistan "On Parliamentary control" determines the main rules of the hearing at meetings of the Legislative Chamber of answers of members of the government to questions of deputies of the Legislative Chamber.

The Legislative Chamber, as a rule, once a month at its meeting hears the answers of members of the government to questions from deputies of the Legislative Chamber. The schedule for the "question time" is determined by the Kengash of the Legislative Chamber in agreement with the Prime Minister. Questions of deputies of the Legislative Chamber to members of the government are sent by the Kengash of the Legislative Chamber no later than ten days before the "question time" to the Cabinet of Ministers. Based on the list of questions, the Cabinet of Ministers determines the

members of the government who will answer questions from deputies of the Legislative Chamber at the "question time". According to the results of the "question time", a decision of the Legislative Chamber may be adopted. [5] Analysis the current legislation shows that there are several critical issues which should be regulated. For instance the parliamentary question institution is almost identical in both the Law "on Parliamentary Control" and the Regulations of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of Republic of Uzbekistan. It's obvious that parliamentary questions are the most commonly used oversight tool in many foreign states. As a rule questions are intended to clarify or discuss government policies. Furthermore, it is rightly pointed out in theory, question time is about accountability. But in practice, it is about politics. [6] However, the exact procedure of implementation of question time, the scope of the limit of questions, and the results of unsatisfactory activities are not determined in both of the mentioned laws.

On May 1, 2018, the Legislative Chamber of the Oliy Majlis held a "question time" in accordance with the laws of the Republic of Uzbekistan "On the Regulations of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan" and "On Parliamentary Control". It should be noted that this practice was organized for the first time in the history of national parliament. [7] Although this institution is widely used in national practice, there is a need to further improve the legislation. In this research, we carried out comparative overview in theme of question time. First of all, we examine the frequency of question time.

It may be once a month, as is the case with Slovenia; at the beginning of each sitting, as in Austria; or once a day, like in Canada and Australia. It is very common for members of parliament to put questions once a week, during the parliamentary session, as is the case with Czech Republic, Estonia, France, Germany, Hungary, Norway and Sweden.

In Great Britain Question time takes place for an hour, Monday to Thursday, after preliminary proceedings and private business. [8, P. 168] In Germany, the "question time" (Fragestunde) is held every week for a total of 180 minutes each. [9, P. 3] At the same time, each deputy has the right to ask the Federal Government up to two questions per week for oral answers. Time for putting parliamentary questions is usually limited by rules of procedure (for instance half a minute in Canada or a minute in Finland), in order to make sure that the questions are concise and specific, and to avoid situations where parliamentary questions turn into a debate. In addition to weekly question time, a number of legislatures also make provisions for emergency questions. Urgent questions require the appropriate minister to come to the chamber and answer questions of an urgent nature. In some parliamentary questions legislatures, such as the German Bundestag, a petition from a group of MPs can call an emergency interpellation — a short debate focused around a series of questions on a particular topic. In UK if an urgent or important matter arises which an MP believes requires

an immediate answer from a government minister, they may apply to ask an urgent question.

The introduction of an urgent question institute in our national legislation will be a new step in the reforms in this area. Urgent questions enable parliamentarians to request detailed explanations and to seek information urgently.

Moreover, in most states the exact subjects of the question time are established. Normative legal acts regulating the activities of parliaments fix the possibility of access to this form of control for both deputies representing the parliamentary majority and deputies from opposition parties. [10] Furthermore in Australia questions of ministers are generally asked by their counterpart ministers in the opposition, and are always asked by backbenchers on the government side. The House of Representatives, the first question is usually asked of the Prime Minister by the Leader of the Opposition. The purpose of this form is to provide deputies with the opportunity to draw attention to socially significant problems in the activities of executive bodies. The law of the Republic of Uzbekistan "On parliamentary control" does not specifically address the right of opposition party to participate in parliamentary questions. We propose that exact subjects especially rights of opposition parties should be highlighted in law. Tactically, it is considered an important defining characteristic for an opposition to be able ask a pertinent question of the ministers or to single out perceived weak performers in the Ministry.

The next issue is the forms of the questions. Questions can often be asked in oral or written form. Most countries include both of the forms (Germany, United Kingdom, Australia, Canada, Turkey). In accordance with the article 10¹ (hearing at meetings of the Legislative Chamber of answers of members of the government to questions of deputies of the Legislative Chamber) it can be concluded that in our

legislation exist oral form of the question time. The same document states that each deputy is entitled to put questions, while the initial question is usually asked a few days in advance, which enables a minister, i. e. representative of the executive to become acquainted with the subject matter. In addition, 2000 OECD document states [11] that "ministers are notified of the questions in advance (Austria, Canada, Hungary, Ireland, Korea, Luxembourg, the Netherlands, Sweden, UK). However a parliamentary question may also involve the possibility for an immediate additional question. The law of the Republic of Uzbekistan "On parliamentary control" does not provide detailed information of the issues of the additional questions and time limits. As well as the procedure of extensions to the deadlines of answering questions is not regulated in the law.

To conclude it should be noted that parliamentary questions help elected politicians accomplish their representative roles while also providing the legislature with a tool to monitor and hold accountable the executive. The analysis of the current legislation shows that legislation in the sphere of the parliamentary questions should be further improved in Uzbekistan. In general, the procedure, form and scope of full implementation of the question time in Uzbekistan, as well as the results of exercising this tool of the parliamentary oversight, should be regulated through the adoption of a single legal act. In turn, it is important to thoroughly study foreign experience and make amendments and additions to the relevant legislation and clearly reflect the mechanisms of implementation of the proposals of the President. As it is rightly pointed that "in the international practice, there are some similarities in the establishment of the "Question time" and it is important to integrate this institution into our legislation, based on our national experience". [12]

References:

1. Tulteev I. T., Toshkanboev U. T. Legal mechanism of interaction between the Oliy Majlis and the Cabinet of Ministers: conditions, problems and solutions. Monograph. — T.: TSUL, 2014. — P.72.
2. Pennings P. Parliamentary Control of the Executive in 47 Democracies 28th Joint sessions of workshops of the European consortium for political research, 14–19 april 2000. Paper to be presented at the workshop «parliamentary control of the executive» / Amsterdam, Vrije Universities. 2000. — P. 3. <https://www.researchgate.net/publication/241811580>.
3. Ш. М. Мирзиёев. Парламентимиз ҳақиқий демократия мактабига айланиши, ислохотларнинг ташаббускори ва асосий ижроچиси бўлиши керак (Олий Мажлис палаталари, сиёсий партиялар ҳамда Ўзбекистон Экологик ҳаракати вакиллари билан учрашувдаги маъруза 2017 йил 12 июль) Миллий тараққиёт йўлимизни қатъият билан давом эттириб, янги босқичга кўтарамиз. Т. 1. Т., «O'zbekiston», 2017, — Б 539.
4. National Legislation Database, 01/10/2018, No. 03/18/459/0536
5. Collection of the legislation of the Republic of Uzbekistan, 2016, No. 15, Art. 141; 2017, No. 24, Article 487; National Database of Legislation, 01/10/2018, No. 03/18/459/0536; 04/19/2018, No. 03/18/476/1087; 01/09/2019, No. 03/19/512/2435, 03/06/2019, No. 03/19/527/2706, 05/11/2019, No. 03/19/536/3114, 05/23/2019 No. 03/19/540/3167
6. <http://theconversation.com/>
7. <http://parliament.gov.uz/uz/events/chamber/23822/>
8. Shane Martin, Olivier Rozenberg. The Roles and Function of Parliamentary Questions // 1st Edition 2012 Routledge Pages 168.

9. Bertelsmann Stiftung study: Hierlemann, Sieberer. Sichtbare Demokratie — Debatten und Fragestunden im Bundestag. Gütersloh, 2014 № 4 — P 3.
10. Ст.122 Закона Республики Молдова «О принятии регламента Парламента», ст.ст. 229 и 230 Закона Украины от 10 февраля 2010 г. № 1861-VI (в ред. От 9 марта 2010 г.) «О регламенте Верховной Рады Украины», ч.2 ст. 145 Закона Эстонской Республики от 11 февраля 2003 г. «О регламенте и порядке работы Рийгикогу»
11. OECD, OECD Report on Parliamentary Procedures and Relations, PUMA/LEG (2000) /2/REV1, p. 16
12. E. Tulyakov. Question time: reports are heard and decisions are made. // http://parliament.gov.uz/uz/events/opinion/22926/?sphrase_id=4496209

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Особенности производства по административным делам об оспаривании постановлений, действий (бездействия) судебных приставов-исполнителей, других должностных лиц, имеющих отношение к исполнительному производству

Косенко Юлия Викторовна, студент

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

Статья посвящена актуальным проблемам судебного производства по административным делам об оспаривании постановлений, действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя, других должностных лиц, связанных с исполнительным производством по исполнительному делу.

Ключевые слова: административное дело, исполнительное производство, взыскатель, исполнительные действия, судебный пристав-исполнитель.

В Российской Федерации процедура оспаривания решений (постановлений), действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя регулируется рядом нормативно-правовых актов, а именно: Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», Федеральным законом от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах», Гражданским процессуальным кодексом РФ, Арбитражным кодексом РФ, Кодексом административного судопроизводства РФ и другие.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту прав и свобод.

Порядок производства в делах по жалобам на постановления, действия или бездействие судебных приставов регламентируется преимущественно теми актами процессуального законодательства, которые определяют порядок осуществления судопроизводства по делам соответствующей категории, в частности главой 22 КАС РФ, главой 24 АПК РФ, главой 25 ГПК РФ.

В своей статье хочу обратить внимание на некоторые особенности рассмотрения административных дел судами общей юрисдикции с участием судебного пристава-исполнителя, других должностных лиц, связанных с исполнительным производством по исполнительному делу, которые, по моему мнению, имеют наибольший и весомый интерес при разрешении спора и вынесения решения.

Правосудие по административным делам не может считаться эффективным, если судебные решения судов не будут выполняться. Поэтому Кодексом административного судопроизводства предусмотрено активное участие суда в процессе исполнения судебных решений в административных делах. В частности, суд уже в самом судебном решении в случае необходимости может четко установить способ, сроки и порядок его исполнения. Так же на соответствующих субъектах властных полномочий могут

быть возложены обязанности по обеспечению исполнения решения.

Исполнение судебных решений является составной частью права на справедливый суд и завершающей стадией судебного производства, но качество исполнения судебных решений оставляет желать лучшего. Судебные приставы-исполнители, как правило, не всегда принимают всех необходимых мер по принудительному исполнению решений и не придерживаются эффективности, своевременности и полноты совершения исполнительных действий. Судебное обжалование постановления, действий, бездействия судебного пристава-исполнителя или иного должностного лица, непосредственно имеющего связь с исполнением решения суда, является действенным средством влияния на них. Однако процедура такого обжалования не является полностью урегулированным, поскольку имеется неодинаковая судебная практика.

В этой статье я остановлюсь на таких особенностях административного производства, как подсудность, рассмотрим требования к лицам, представляющим интересы в суде по административным делам, остановимся на участниках административного производства, подготовим административное заявление, рассмотрим процессуальные действия такие как: примирение сторон, отказ от исковых требований, прекращение производства по административным делам.

Особенности производства, касающиеся подсудности. На основании ст. 6 Федерального закона от 30.12.2015 № 425-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» произошли изменения в часть 1 статьи 22 КАС РФ.

Подсудность теперь определяется по месту нахождения органа, в котором должностные лица исполняют свои обязанности.

Таким образом, в настоящее время административные исковые заявления об оспаривании постановлений, действий (бездействия) должностных лиц ФССП России подаются в суды общей юрисдикции по месту нахождения территориального органа ФССП России.

Решением Симферопольского районного суда Республики Крым от 26 марта 2018 г. по делу № 2—388/2018 суд удовлетворил исковые требования федерального государственного бюджетного учреждения «Военный санаторий «Крым» Министерства обороны Российской Федерации к Лобачу Никите Владимировичу о взыскании ущерба в порядке регресса в сумме 70 000,00 рублей и государственной пошлины 2300,00 рублей, а всего 72 300,00 рублей (семьдесят две тысячи триста рублей) [1, с. 3].

09 августа 2018 в ОСП по Симферопольскому району УФССП России по Республике Крым взыскателем был предъявлен для исполнения исполнительный лист ФС № 004833704 от 25.07.2018 о взыскании с должника — Лобача Н. В. денежных средств.

22.08.2018 было возбуждено исполнительное производство № 22153/18/82021-ИП.

Взыскатель предоставил всю имеющуюся информацию в отношении должника Лобача Н. В., который находится в колонии-поселении ФКУ КП-1 УФСИН России по Республике Крым и г. Севастополю и отбывает наказание за совершенное преступление; его фактические адреса, адрес регистрации для наложения ареста на недвижимое имущество должника.

Однако, в предусмотренный законом об исполнительном производстве срок, судебный пристав-исполнитель не направил копию постановления о возбуждении исполнительного производства, более того, не совершил тех действий, которые изначально были в заявлении взыскателя, а именно: наложить арест на все движимое и недвижимое имущество должника, обратиться на заработную плату.

Таким образом, взыскатель считал, что его права нарушены, не рассмотрение запросов о ходе исполнительного производства, не своевременное перечисление денежных средств на счет взыскателя способствовали к подаче административного заявления в суд [2, с. 4].

Требования к лицам, которые представляют интересы в суде по административным делам об оспаривании постановлений, действий (бездействия) должностных лиц ФССП России.

Кодексом административного судопроизводства РФ установлено ограничение для представителей в судах по административным делам в виде обязательного наличия высшего юридического образования [3, с. 4].

Представители должны представить суду документы о своем образовании (оригинал диплома для обозрения в судебном заседании и заверенную копию для приобщения к материалам дела), а также документы, удостоверяющие их статус и полномочия.

Хочу отметить, если в деле участвует прокурор, то он не является представителем, следовательно, требование

о подтверждении наличия высшего юридического образования на них не распространяется. Такое требование не распространяется и на адвокатов. Административным истцом по указанному делу выступал представитель юридического лица бюджетного учреждения, представляющий интересы по доверенности и имеющий высшее юридическое образование.

Стороны или лица, участвующие в делах об оспаривании постановлений, действий (бездействия) должностных лиц ФССП России.

Действующим КАС РФ определено, какой круг лиц, может участвовать в административных делах об оспаривании решений, действий (бездействия) должностного лица госоргана или государственного служащего.

Так, к участию в административном деле в обязательном порядке привлекается территориальный орган ФССП России, в структурном подразделении которого исполняет обязанности судебный пристав-исполнитель, может быть привлечен старший судебный пристав этого же подразделения, главный руководитель территориального органа ФССП России, их именуют как «административный ответчик», сам заявитель «административный истец» и должник «третье лицо» [4, с. 5].

Подача административного искового заявления. Принятие заявления к производству и подготовка дела к судебному разбирательству.

Итак, административное исковое заявление об оспаривании решений, действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя подается в районный суд, по месту исполнения судебным приставом своих обязанностей.

Срок подачи данного административного иска составляет 10 дней, со дня, когда административному истцу стало известно о нарушении своих прав и законных интересов. При пропуске этого срока к административному исковому заявлению обязательно нужно приложить ходатайство о восстановлении срока по административному иску [5, с. 5].

Также, заявителю следует четко сформулировать в просительной части, в чем именно выразилось нарушение его прав и законных интересов, какие нарушения следует устранить, либо привлечь к ответственности за несоблюдение норм федерального закона об исполнительном производстве и др.

Также, хочу обратить внимание на доказательственную базу, то есть те обстоятельства, на которые ссылается заявитель в обоснование своих требований.

Кроме того, для судов установлен предельный срок рассмотрения таких дел, он не должен превышать 10 дней, со дня подачи искового заявления, однако в сложных делах этот срок может быть продлен председателем суда на срок до 1 месяца.

Так, Симферопольским районным судом Республики Крым рассмотрено административное дело № 2а-2798/2019 о признании незаконным бездействие судебных приставов-исполнителей ОСП по Симферопольскому району УФССП России по Республике Крым, старшего

судебного пристава и обязанности совершить определенные действия в рамках исполнительного производства.

Суть спора заключалась в том, что административный истец, он же взыскатель, обратился в суд с административным иском о признании незаконным бездействия, которые выразились в: — неисполнении требований по надлежащему уведомлению взыскателя о возбуждении исполнительного производства; — не уведомлении о принятом решении о розыске или отказе в розыске должника; — не рассмотрении запросов о ходе исполнительного производства и не предоставлении ответа на запросы; — не исполнении действий ст. 64 Закона об исполнительном производстве о принятии и осуществлении всех необходимых действий по исполнению судебного акта; — не перечислении денежных средств на расчетный счет взыскателя; обязанности принять необходимые меры по исполнению требований исполнительного листа в рамках исполнительного производства; устранении в полном объеме нарушенных прав путем совершения предусмотренных законом исполнительных действий; привлечении к административной ответственности [6, с. 6].

Примирение сторон в административных делах об оспаривании постановлений, действий (бездействия) должностных лиц ФССП России.

При рассмотрении Судом дела, учитывая все обстоятельства, доказательства сторон, стал вопрос о применении сторон. Учитывая мнение всех участников, Суд отложил судебное разбирательство в пределах допустимого срока.

В этот срок судебными приставами-исполнителями были устранены все нарушения, приняты все меры по исполнению требований исполнительного листа в рамках исполнительного производства, доказательства направлены и вручены заявителю. Заявитель, в свою очередь, принял документы.

Кодексом предусмотрено примирение сторон (статья 137 КАС РФ), но только при соблюдении определенных

условий. Так, примирение может касаться только прав и обязанностей сторон как субъектов спорных публичных правоотношений и возможно только в случае допустимости взаимных уступок сторон [7, с. 7].

Однако, следует иметь ввиду, Суд не утверждает соглашение о примирении сторон, если его условия противоречат закону, или нарушают права, свободы и законные интересы других лиц.

Отказ от исковых требований, прекращение производства по административным делам об оспаривании постановлений, действий (бездействия) должностных лиц ФССП России.

Административный истец вправе до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение административного дела по существу в суде первой инстанции, отказаться от административного иска полностью или частично.

Так, по делу 2а-2798/2019, заявитель отказался от исковых требований, мотивируя тем, что основания для рассмотрения по существу административного иска отпали, по причине принятия активных мер по исполнению требований исполнительного листа в рамках исполнительного производства, устранения в полном объеме нарушенных прав и законных интересов взыскателя, путем совершения предусмотренных законом исполнительных действий, его фактического исполнения, дальнейшего активного взаимодействия судебного пристава-исполнителя с должником и взыскателем в рамках исполнительного дела.

Судом принят отказ, разъяснены последствия отказа от исковых требований, и производство по делу было прекращено.

Необходимо отметить, что в настоящее время практика прекращения судами производства по административным делам в связи с отказом от исковых требований заявителя, либо примирением сторон, путем подписания соглашения о примирении сторон, складывается положительно как для судов, так и для сторон.

Литература:

1. Определение Симферопольского районного суда Республики Крым по административному делу № 2а-2798/2019 о прекращении производства по делу.
2. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 06.03.2019) ст. 128.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2016 № 1783-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Гурмана Юрия Альбертовича и Мальцева Станислава Сергеевича на нарушение их конституционных прав положениями части 3 статьи 55, пункта 2 части 2 статьи 125, пунктов 4 и 5 части 1 статьи 126, части 1 статьи 130, части 9 статьи 208 и части 3 статьи 209 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации».
4. Решение суда о признании постановления и. о. начальника отдела — старшего судебного пристава ОСП Дзержинского района г. Оренбурга УФССП по Оренбургской области частично незаконным, возложении обязанности устранить допущенные нарушения № 2а-3304/2017 ~ М-3036/2017.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 г. Москва «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»
6. Федеральный закон «О судебных приставах» от 21.07.1997 № 118-ФЗ (последняя редакция).
7. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Процессуальные проблемы защиты прав опеки и прав доступа на основании международного договора

Курчинская-Грассо Наталия Олеговна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Автором проанализированы понятия, содержащиеся в Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25.10.1980 г.; выявлены проблемы процессуального характера, возникающие при трансграничной защите прав опеки и прав доступа.

Ключевые слова: трансграничная защита, права опеки, права доступа, Конвенция 1980 г., возвращение ребенка, суд, розыск.

Российским судам приходится рассматривать множество споров, связанных с несовершеннолетними. А относительно недавно — с 2014 г. [6], — в ГПК РФ [4] была введена Глава 22.2, содержащая нормы о новой категории споров: о трансграничной защите прав опеки и прав доступа на основании международного договора РФ. Такие дела рассматривались и раньше — в соответствии с положениями некоторых двусторонних международных договоров РФ (в основном — о правовой помощи), но чаще всего — на основе норм внутригосударственного права — российского либо иностранного. Однако к специальному многостороннему соглашению — к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25.10.1980 г. [1] (далее — Конвенция 1980 г.), — Россия присоединилась лишь в 2011 г. [5] И с этого момента, как верно отмечает Н. Г. Галковская, благодаря Конвенции 1980 г. появилась возможность незамедлительно вернуть домой любого ребенка, незаконно вывезенного из страны своего обычного проживания (или удерживаемого вне нее) [10, с. 205]. Но «во всех случаях самовольного перемещения (похищения) ребенка ... перед принятием решения о том, где все же должен проживать ребенок, должна быть совершена процедура возвращения ребенка» [11, с. 381], включающая чаще всего этап вынесения соответствующего судебного решения об этом.

Анализ процессуальных правил о рассмотрении требований о защите прав опеки либо прав доступа и судебной практики, в том числе Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), показал, что административные и судебные органы неизбежно сталкиваются с теоретическими и практическими проблемами процессуального характера. В частности, одной из них является отсутствие полноценных легальных понятий, использованных в Конвенции 1980 г. Так, в ней содержатся следующие термины, не разъясняемые в полном объеме ни в этом акте, ни в отечественном законодательстве:

1) «права опеки», в отношении которых указано лишь то, что в их состав входят «права, относящиеся к заботе о личности ребенка», и в том числе право «определять место жительства ребенка» (п. «а» ст. 5);

2) «права доступа», в содержание которого входит «право взять ребенка на ограниченный период времени в место иное, чем место его постоянного проживания» (п. «b» ст. 5);

3) «незаконное перемещение или удержание ребенка», основным квалифицирующим признаком которого является нарушение прав опеки, которыми их обладатель был наделен на основании законодательства государства, где этот ребенок имеет постоянное место жительства (ст. 3).

Отсюда — сложно осуществлять защиту тех прав, которые в нормативных источниках не обозначены четко и однозначно. И этот пробел, конечно же, требует своего устранения; на наш взгляд, необходимо законодательное формулирование следующих дефиниций:

— «права опеки», которые должны базироваться на понятии «родительская ответственность», содержащемся в п. 2 ст. 1 Конвенции о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей от 19.10.1996 г. [2], и на понятии «родительские права», содержание которых раскрыто в нормах Главы 12 «Права и обязанности родителей» Семейного кодекса РФ [3] (далее — СК РФ). Исходя из их трактовки, полагаем, что определение «права опеки» может быть таким: права, основанные на ответственности за ребенка его родителей и/или заменяющих их лиц, обладающих правами и обязанностями, предусмотренными семейным законодательством;

— «права доступа», которые можно определить как совокупность прав, возникших на основе права родителя (заменяющего его лица) на участие в воспитании ребенка (ст.ст. 54, 63, п. 1 ст. 66 СК РФ) и прав указанных лиц

на общение с ребенком (ст.ст. 55, 66–67, 75, п. 4 ст. 137, п. 5 ст. 148.1 СК РФ).

Предлагаемые определения, по нашему мнению, целесообразно включить в текст статьи 244.11 ГПК РФ в виде отдельного пункта, что позволит судам конкретизировать: что — то есть какие именно права — предстоит защищать. Такая необходимость продиктована и тем, что Конвенция 1980 г. «должна соблюдаться и интерпретироваться согласованно на всей территории Договаривающегося государства» [12], т. е. Российской Федерации.

Самостоятельной проблемой является неполнота указания круга лиц, наделенных правом на подачу заявления на основании п. 1 ст. 244.11 ГПК РФ. Дело в том, что в абзаце 1 ст. 8 Конвенции 1980 г. в качестве заявителей называются «любое лицо, учреждение или иная организация, заявляющие о том, что ребенок был перемещен или удерживается в нарушение прав опеки» (при этом в отношении управомоченных лиц, обладающих правами доступа, вообще какие-либо указания отсутствуют). То есть по Конвенции 1980 г. круг лиц, обладающих правом на защиту, фактически не ограничен. Нет конкретики и в п. 1 ст. 244.11 ГПК РФ: истцами могут быть родитель, прокурор, а также иное лицо, полагающее, что «ответчиком нарушены его права опеки или права доступа». Отметим, что в отношении последней категории достаточно спорной является позиция ЕСПЧ, выраженная им в Деле «В. Д. и другие против России» («V. D. and others v. Russia»; жалоба № 72931/10), рассмотренном ЕСПЧ 09.04.2019 г.: фактически были признаны права доступа к ребенку заявителя В. Д. — бывшего опекуна несовершеннолетнего Р, который был передан на воспитание его родителям (и в связи с этим опека заявителя В. Д. над ним была прекращена). ЕСПЧ указал, что «не может согласиться с тем, что соответствующее Судебные решения [от авт.: имеется в виду — судов РФ, отказавших заявителю В. Д.] не были основаны на оценке индивидуальных обстоятельств настоящего дела и автоматически исключают возможность сохранения семейных связей между заявителями и Р». (§ 129) [7].

При проверке соответствия положений пункта 1 ст. 244.11 ГПК РФ конвенционным нормам налицо явное противоречие: среди лиц, уполномоченных заявлять требования о возвращении ребенка на основании Конвенции 1980 г., отсутствуют органы и организации, на которые возлагается обязанность по защите прав и интересов несовершеннолетних (в том числе и такого как «право ребенка «не быть похищенным» (незаконно перемещенным или удерживаемым)» [8]) — уполномоченные по правам ребенка, органы опеки и попечительства и др. Более того, среди потенциальных заявителей не указано даже Министерство просвещения РФ, являющееся Центральным органом по исполнению конвенционных обязанностей РФ, хотя пунктом «f» ст. 7 Конвенции 1980 г. ему предоставлено право «инициировать или способствовать возбуждению судебных или административных

процедур для того, чтобы добиться возвращения ребенка». Представляется, что при таком разном подходе к нормативной регламентации у российских судов есть формальные основания отказать в принятии заявления, основанного на нормах Конвенции 1980 г., если оно подано, например, Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребенка. В целях приведения указаний ГПК РФ в соответствие с положениями Конвенции 1980 г., полагаем, что пункт 1 ст. 244.11 этого Кодекса должен быть дополнен указанием на вышеназванные органы.

Перечень судов, куда можно подать заявление о трансграничной защите прав опеки и прав доступа, приведен в пункте 2 ст. 244.11 ГПК РФ; при этом территориальная локализация подсудности установлена в зависимости от места пребывания незаконно похищенного или удерживаемого ребенка — в каждом федеральном округе России назначен один уполномоченный судебный орган. При невозможности определения места нахождения ребенка на территории Российской Федерации предписано обращаться в суд по «последнему известному месту пребывания ребенка в Российской Федерации или по последнему известному месту жительства ответчика в Российской Федерации» (п. 3 ст. 244.11 ГПК РФ). Но если заявителю неизвестны и эти места (соответственно — пребывания ребенка или жительства ответчика), то подсудность анализируемой категории дел «повисает в воздухе» — в связи с тем, что розыскное дело может быть заведено в соответствии с п. 1 ст. 120 ГПК РФ на основании определения судьи «об объявлении розыска ответчика и (или) ребенка». Поэтому предлагается в пункт 3 ст. 244.11 ГПК РФ добавить такую фразу: «При неизвестности места нахождения ребенка и/или места жительства ответчика в целях объявления их розыска заявитель вправе обратиться в любой суд из числа указанных в пункте 2 настоящей статьи».

В статье 38 Конвенции 1980 г. указано, что для ее применения необходимо, чтобы присоединение государства было признано другими странами-участницами этой Конвенции. Поэтому вопросы о территориальной подсудности возникнут и в тех случаях, когда заявление содержит требование о возвращении ребенка в государство, которое не признало факт присоединения РФ к Конвенции 1980 г.; и в связи с этим усматривается несколько спорных ситуаций:

1) при невозможности воспользоваться положениями пункта 2 ст. 244.11 ГПК РФ логически возможен только один вариант: применить правила о подсудности, установленные нормами Главы 3 ГПК РФ, в частности — заявить иск в суд по месту жительства ответчика. Однако процессуальное производство в этом случае нельзя считать исковым — в его традиционном понимании, — так как судом должно быть вынесено решение о возвращении (или невозвращении) ребенка не истцу, а в государство постоянного (обычного) проживания несовершеннолетнего;

2) при рассмотрении трансграничного спора о защите прав опеки или прав доступа судом, чья компетентность

определена в соответствии с Главой 3 ГПК РФ, возникает вопрос: должен ли этот суд руководствоваться нормами Конвенции 1980 г. и Главы 22.2 ГПК РФ? Прямого ответа в законе мы не найдем...

Предотвратить такие случаи, думается, вполне возможно: для этого в пункт 2 ст. 244.11 ГПК РФ целесообразно включить следующее указание: «Суд обязан принять заявление вне зависимости от признания (непризнания) факта присоединения Российской Федерации к международному договору, подлежащему применению при защите прав опеки или прав доступа». Такое нововведение позволит упростить обычно используемый механизм поиска похищенного ребенка и/или удерживающего его лица — посредством совершения действий

по их поиску через Центральные органы государств, назначенные на основании Конвенции 1980 г. (несовершенство этого механизма подтверждается и судебной практикой [9]).

Процессуальные проблемы, возникающие при трансграничной защите прав опеки и прав доступа, не исчерпываются вышеперечисленными. Полагаем, что в научной среде вопросы такой защиты должны становиться предметом исследования как можно чаще, так как от результатов доктринальных выводов, используемых впоследствии для совершенствования нормативного регулирования, во многом зависит совершенствование порядка рассмотрения споров, связанных с незаконно похищенными или удерживаемыми детьми.

Литература:

1. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (г. Гаага, 25.10.1980 г.) // Бюллетень международных договоров. — 2013. — № 1.
2. Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей (г. Гаага, 19.10.1996 г.) // Бюллетень международных договоров. — 2014. — № 1.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
5. Федеральный закон от 31.05.2011 г. № 102-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 23. — Ст. 3242.
6. Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 126-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 19. — Ст. 2331.
7. Case of «V. D. and others v. Russia», judgment from 09.04.2019 (Application no. 72931/10) [Электронный ресурс] // The European Court of Human Rights: официальный сайт ЕСПЧ. Режим доступа: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22tabview%22:%22document%22,%22itemid%22:\[%22001-192208%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22tabview%22:%22document%22,%22itemid%22:[%22001-192208%22]}) (дата обращения: 13.08.2019). *На англ. яз.; перевод мой.*
8. Решение Канавинского районного суда г. Нижний Новгород Нижегородской области от 11.02.2019 г. по делу № 2–948/2019 [Электронный ресурс] // СПС ГАРАНТ (платная версия). — URL: <http://arbitr.garant.ru/#/document/306760852/paragraph/1:1> (дата обращения: 23.09.2019).
9. Решение Калужского районного суда Калужской области от 10.08.2018 г. по делу № 2а-6375/2018 [Электронный ресурс] // СПС ГАРАНТ (платная версия). — URL: <http://arbitr.garant.ru/#/document/304330418/paragraph/1:0>; Решение Канавинского районного суда г. Нижний Новгород Нижегородской области от 20.09.2018 г. по делу № 2–4542/2018 [Электронный ресурс] // СПС ГАРАНТ (платная версия). — URL: <http://arbitr.garant.ru/#/document/304819408/paragraph/1:0> (дата обращения: 25.09.2019) и другие решения.
10. Галковская Н. Г. Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации // Вестник Томского гос. университета. — 2015. — № 397. — С. 204–211.
11. Михеева Л. Ю. Развитие российского семейного законодательства // Кодификация российского частного права 2019 / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгалов и др.; под ред. Д. А. Медведева. — М.: Статут, 2019. — С. 378–390.
12. Практическое руководство по применению Гаагской конвенции 25 октября 1980 года о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей [Электронный ресурс] // Гаагская конференция по международному частному праву: официальный сайт. — URL: https://assets.hcch.net/upload/abdguideii_ru.pdf (дата обращения: 15.03.2019).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Актуальные проблемы становления и развития уголовно-процессуальной политики в Российской Федерации

Барышникова Полина Сергеевна, студент;

Научный руководитель: Головинская Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

В статье приводится краткий анализ актуальных проблем в уголовно-процессуальном праве, связанных с большим количеством пробелов и изменений, вносимых в УПК РФ, а также незначительной роли мониторинга правоприменительной деятельности. Предлагается ряд мероприятий по стабилизации сложившейся ситуации в данной отрасли права.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, уголовный процесс, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, мониторинг, кодифицированный акт

Actual problems of formation of the procedural criminal legislation in Russia

Baryshnikova Polina Sergeevna, Master Student;

Supervisor: Golovinskaya Irina Victorovna, Doctor of Law, Associate Professor
Vladimir Law Institute of the Federal Service of Execution of Punishment of Russia

The article provides a brief analysis of the current problems in the procedural criminal legislation connected with the large number of gaps and changes introduced in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as the insignificant role of monitoring of law enforcement activities. A number of measures is proposed to stabilize the current situation in this branch of law

Keywords: procedural criminal legislation; criminal procedure; Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; monitoring; codified act

В уголовно-процессуальном праве, как и в других отраслях российского права, существует ряд проблем. Они связаны не только с пробелами в законодательстве, но и частыми изменениями, вносимыми как в законы, действующие длительное время, так и в новые, а иногда даже не вступившими в законную силу.

Частые изменения, вносимые в уголовно-процессуальное законодательство, негативно влияют на уголовно-процессуальную деятельность в целом. Изучая данные изменения, в частности разграничение проверочных судебных производств, уточнение ряда положений в УПК РФ, введение упрощенных производств и т. д., мы приходим к выводу, что несмотря на их актуальность и прогрессивный характер, уголовно-процессуальное законодательство находится в критичном состоянии.

Возможно, причиной внесения данных изменений и поправок стало допущение законодателем большого количества пробелов в УПК РФ и недостаточная разработка и изучение некоторых его положений.

Кодифицированный акт сможет эффективно применяться только в том случае, если законодатель правильно учитывает объективные тенденции развития уголовно-процессуальных отношений, а также их динамику. Как показывает практика, даже опытные юристы колеблются в понимании и применении отдельных положений [7].

Можно отметить парадокс в сложившихся отношениях: чем выше уровень уголовно-процессуальных гарантий прав личности, тем труднее работать правоохранительным органам [4]. Многие правоведы полагают, что УПК РФ, в свою очередь, должен облегчать и упрощать работу данных органов:

- давать возможность длительного задержания;
- убрать предельный срок заключения под стражей при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела и др.

Некоторые юристы считают, что поправки, принимаемые в Кодекс, вносятся под давлением правоохранительных органов для более благоприятных условий в своей работе.

Необходимо отметить, что со вступления в силу УПК РФ [1] в него было внесено более 200 изменений, причем анализ данных изменений за период времени с 2013 г. по 2018 г. показывает, что их количество только увеличивается, что говорит о тревожной ситуации в уголовно-процессуальном праве. Поскольку в Государственную Думу по настоящий день вносятся законопроекты, регулирующие данные отношения, то стабилизация ситуации не прослеживается.

Основополагающие проблемы, с которой столкнулись субъекты уголовно-процессуальных отношений, состоят, по нашему мнению, в том, что при составлении Кодекса не были учтены метод и механизм правового регулирования данных отношений. Именно от правильного разработанного нормативного содержания зависит состояние уголовно-процессуальной деятельности, ее эффективность в процессе производства и принятия решений по уголовным делам с учетом соблюдения международных стандартов прав и интересов участников уголовного производства [6].

Как уже было сказано выше, механизм правового регулирования должен быть эффективен. При этом под эффективностью правового регулирования понимается отношение между результатом правового регулирования и стоящим перед ним целью [5].

Были разработаны и условия повышения эффективности правового регулирования:

- совершенствование процесса нормотворчества и правоприменения;
- повышение уровня правовой культуры субъектов права.

Но это все является общей основой функционирования механизма, что касается непосредственного средства правового регулирования, то это нормы УПК РФ, в котором они сосредоточены.

По нашему мнению, уголовно-процессуальное законодательство проходит переходный период, время преобразований. Мы не предлагаем полностью переписать УПК РФ, необходимо оставить прежние нормы, которые оправдали себя в применении и являются актуальными и в настоящее

время, но так же необходимо исключить устаревшие положения и нормы. Однако изменения, вносимые в настоящее время, больше напоминают «перекраивание» и «латание дыр», это негативно влияет на Кодекс в целом, он теряет свою системность, обобщенность и компактность, что в свою очередь присущи кодифицированному акту.

Поэтому мы согласны с мнением П. Крашенинникова о том, что УПК РФ, равно как и УК РФ, преобразовался в свод законов [3]. Из этого вытекает, что Кодекс стал не кодифицированным актом, а инкорпорируемым, где законодательные положения объединены механически.

Таким образом, назрела необходимость издания нового УПК РФ, предварительно разработав его концептуальную основу. При его создании необходимо тщательно переосмыслить действующие нормы, устранить повторы и противоречия.

В настоящее время слишком незначительная роль отдается мониторингу этой деятельности, хотя именно он является одним из важнейших средств проверки эффективности и совершенствования законодательства. Даже в Указе Президента РФ «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» указано, что от органов власти требуется «принимать в пределах своих полномочий меры по устранению выявленных в ходе мониторинга недостатков в нормотворческой и (или) правоприменительной деятельности [2]. Проблему того, что законодатель перестал обращаться к мониторингу, как к главному инструменту уголовно-процессуального законодательства, в настоящий момент можно считать наиболее актуальной.

Поводя итог вышесказанному, необходимо отменить, что уголовно-процессуальное законодательство в настоящий момент проходит переходной этап своего развития и требует устранения пробелов и внесения изменений. В частности необходимо:

- разработать новую концептуальную основу УПК РФ
- устранить пробелы в УПК РФ;
- устранить повторы и несоответствия норм;
- проводить регулярный мониторинг правового пространства и правоприменительной практики.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2001. — № 52, ч. 1, ст. 4921.
2. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 (в ред. Указа Президента РФ от 25 июля 2014 № 529) // Собр. законодательства РФ. 2011. № 21. Ст. 2930; 2014. № 30, ч. I. Ст. 4286
3. Рос. газ. 2011. 16 дек.
4. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М., 2005. Ч. II.
5. Пиголкина А. С. Теория государства и права. М., 2010. с. 581
6. Яковлева Л. В. Общество и право. М., 2016. № 1 (55)
7. URL: <http://ria.ru/society/20150120/1043396376/html#ixz3PuhmZ6sq> (дата обращения 11.03.2018)

Принципы уголовного судопроизводства в суде присяжных

Борохова Наталья Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

Принцип означает главную идею, ключевую мысль, руководящее положение, которые должны быть применены, использованы или соблюдены в определенной сфере человеческой деятельности [2, с. 2] В данной статье речь пойдет о специфической сфере уголовного производства — суде присяжных.

Разумеется, производство в суде присяжных является одной из форм уголовного судопроизводства. Стало быть, принципы уголовного процесса должны находить свое отражение в деятельности профессионального судьи и присяжных заседателей. Однако институт присяжных настолько специфичен, что в нем принципы уголовного судопроизводства получают своеобразное «преломление» и особенные черты, отличные от всего того, что мы привыкли наблюдать в традиционной форме судопроизводства.

Возьмем для примера принцип законности, основополагающий принцип уголовного процесса, без которого немислимо производство по уголовному делу, где вершина — это приговор суда.

Принцип законности в суде присяжных включает в себя требование точного и неуклонного применения закона со стороны со стороны профессионального судьи, а также соблюдения и исполнения законов присяжными заседателями, стороной обвинения и защиты.

В традиционной форме судопроизводства выводы судьи по вопросу виновности, невиновности подсудимого, изложены в приговоре суда, и должны быть основаны на законе. Несмотря на то, что процессуальный закон предусматривает возможность судьи руководствоваться не только законом, но и внутренним убеждением, в основе принятого судьей приговора должен лежать именно закон. Присяжные заседатели, принимающие вердикт, не скованы рамками закона и выносят свое решение на основе здравого смысла, своих представлений о добре, зле, справедливости. Присяжные не знают основ уголовного судопроизводства, им также не требуется знать особенности квалификации преступлений. Значит ли это, что принцип законности в суде присяжных не действует? Разумеется, нет. Принцип законности — это фундаментальный и универсальный принцип уголовного судопроизводства, который пронизывает собой все стадии уголовного процесса, охватывает деятельность всех его участников и проявляет себя в любой форме уголовного судопроизводства. Суд присяжных исключением не является.

Вспомним, что процедура производства в суде присяжных строго регламентирована законом, и на профессионального судью возложена обязанность создать условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела сторонами. Принцип законности обязывает судью неукоснительно соблюдать установленный законом

порядок во всех стадиях процесса, основывать свои решения на нормах материального и процессуального права. К тому же, существует специфика обжалования приговоров, основанных на вердикте присяжных заседателей, и очень часто, именно несоблюдение требований уголовно-процессуального закона становится основанием для отмены приговора суда.

Говоря о реализации принципа состязательности и равноправия сторон в суде присяжных, следует отметить, что именно в данной форме производства они проявляются максимально ярко. «У некоторых юристов бытует мнение, что суд присяжных — это «суд толпы», «суд эмоций», который выносит решение не столько на основе доказательств, сколько под давлением театральные приемы и красноречия ловких адвокатов или прокуроров» [4, с. 293]. Думается, это упрощенное понимание роли состязательности в суде присяжных. Известно, что в суде присяжных роль профессионального судьи несколько снижена, поскольку акцент делается на противоборство сторон. Вспомним, что в суде присяжных председательствующий вопросы задает в последнюю очередь, уже после сторон и самих присяжных. Стороны же в процессе наделены равными правами по представлению доказательств. Конечно, обвинитель и защитник должны помнить о том, что данные о личности в суде присяжных исследуются ограниченно, как, впрочем, и фактические обстоятельства, установление которых не входит в компетенцию присяжных заседателей. Разумеется, в суде присяжных большое значение придается ораторскому искусству и иным средствам убеждения. В отличие от традиционной формы производства, где стороны, выступая в прениях, используют юридические доводы, в суде присяжных в ходу иные способы. Это апелляция к здравому смыслу заседателей, к их жизненному опыту. Несмотря на использование сторонами выразительных средств речи: сравнений, метафор, иронии, риторических вопросов, недооценивать умственный потенциал присяжных нет никаких оснований. Судьи из народа внимательно и заинтересованно относятся к исследованию доказательств. Важным для них обычно становится убедительность речи.

Принцип презумпции невиновности находит свое проявление и в суде присяжных. Е. Ю. Львова в пособии для адвокатов приводит интересную статистику. 84 % опрошенных судей подтвердили, что суды присяжных более надежно, чем обычные суды обеспечивают соблюдение презумпции невиновности. При дефиците или противоречивости доказательств, когда подсудимый отрицает свою причастность или виновность, когда исчерпаны все возможности для собирания доказательств, возможно принятие единственного решения — оправдание подсудимого [3, с.

123]. Однако в обычном суде судьи не торопятся оправдывать подсудимого. Причины тому различны: это и обвинительный уклон, оставшийся нам в наследие с советских времен, и профессиональный опыт, который порой оказывает на судей парализующее воздействие. Присяжные заседатели не имеют таких оков. Они руководствуются только своим представлением о том, виновен ли подсудимый. Если государственный обвинитель оказался убежден и не привел достаточных доказательств, подтверждающих обвинительный тезис, у присяжных появляется искушение к оправданию. К тому же, произнося напутственное слово, профессиональный судья обязан разъяснить присяжным принцип презумпции невиновности, и в особенности, то, как должны толковаться неустранимые сомнения в виновности лица. Выполняя обязанности присяжного заседателя не более одного раза в год, гражданин не подвергается какой-либо «профессиональной деформации». При возникновении нестандартной жизненной ситуации он склонен действовать подчас более ответственно, чем профессиональный судья.

Принцип обеспечения права на защиту понимается нами как совокупность предоставленных законом прав для опровержения предъявленного обвинения. Начнем с того, что именно обвиняемому принадлежит право избрать форму судопроизводства, которая, с его точки зрения, будет оптимальна для защиты его прав. Это решение он принимает сам, и если речь идет о суде присяжных, никто не вправе воспрепятствовать обвиняемому в реализации конституционного права. В суде присяжных участие защитника обязательно, поскольку речь идет об усложненной форме судопроизводства, где требуется профессиональная квалифицированная помощь адвоката. Судья должен создавать необходимые условия для реализации подсудимым права на защиту в суде присяжных.

Достаточно интересен вопрос о пассивной защите в суде присяжных. Нам известно, что защита от обвинения — это право, а не обязанность подсудимого. Он может активно проявлять себя в процессе, а может и не предпринимать никаких мер. Однако нежелание защищаться и пассивная защита не может быть использована против него и не может служить доказательством виновности. Тем не менее, думается, что подобная тактика не является оправданной поскольку, как было уже сказано выше, суд

присяжных — это проявление активной состязательности, противоборства сторон. Выбирать данную форму судопроизводства нужно тогда, когда есть доводы, которые могут быть приняты судьями из народа. «Необходимо найти тот оселок, на котором можно испробовать истинность показаний, и тут-то присяжные заседатели с их глубоким познанием жизни повседневной... незаменимы» [1, с. 44–45].

Принцип свободы в оценке доказательств также имеет свое проявление в суде присяжных. Судья и присяжные заседатели оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств. При этом, как уже было сказано, они берут во внимание свой жизненный опыт, прислушиваются к своей совести. В этом смысле, присяжные скорее оправдают преступника, если его вина не доказана, чем признают его виновным. В этом великое преимущество суда присяжных перед традиционным судом. В современном уголовном производстве следует констатировать весьма низкие стандарты доказанности, обусловленные слабым уровнем профессионализма следователей. Об этом говорил Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка, и нет оснований с ним в этом вопросе не соглашаться. Кроме того, мешает и обвинительный уклон, о чем очень красноречиво высказалась председатель городского суда г. Геленджика Г. В. Чурсина: «Что греха таить, когда приходит «дело», судья стоит в определенных рамках, действует по принципу: нет дыма без огня. Если судья не осудит, его самого осудят. Та же милиция твердит: «Мы ловим преступников, а в суде их выпускают»... В традиционном суде судья обычно не закрывает рта: от первого до последнего слова вся тяжесть доказательств — на нем. Судья не имеет возможности быть «весеми» — все видеть, анализировать со стороны, абстрагироваться — и невольно бросает лишнюю каплю на чашу обвинения. Государство должно доказать свое обвинение. Не смогло это сделать — выпусти человека... Человек должен иметь шанс. В суде присяжных все быстро становится на свои места» [5, с. 50].

Подводя итог, хотелось бы заметить, что все принципы уголовного процесса находят свое применение в производстве суда присяжных. В данной статье были затронуты лишь специфические черты отдельных принципов, присущие этой интересной и своеобразной форме уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Гогель С. Суд присяжных и экспертиза в России. Ковна, 1894.
2. Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России. Лекции-очерки/ Под ред. проф. В. М. Савицкого. М.: Издательство БЕК, 1997.
3. Защита по уголовному делу: Пособие для адвокатов/ Под ред. Е. Ю. Львовой. М.: Издательство Юрист, 1999.
4. Мельник В. В. Искусство защиты в суде присяжных. М.: Издательство «Дело», 2003.
5. Цит. По Максудов Р., Флемер М. Исследование постреформаторской ситуации судейского корпуса// Уголовное право. 1999. № 1.

О необходимости реформации статьи 127.1 УК РФ

Захаренков Денис Александрович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена анализу статьи 127.1 УК РФ «Торговля людьми». Автор рассматривает её основные положения и сущность, недостатки, а также сферу действия статьи, указывая, какие сделки в отношении человека могут быть совершены, а также уголовную ответственность за фактическое исполнение такой сделки. Автор приходит к выводу о необходимости реформации статьи 127.1 УК РФ.

Ключевые слова: отношение человека, уголовная ответственность, УК РФ, лицо, сделка, торговля людьми.

В Уголовном Кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) [1] некоторые статьи отличаются не самым высоким уровнем законодательной техники, а потому остаются проблемы в толковании и применении статей уголовного закона. Одной из таких можно назвать ст. 127.1 УК РФ, предусматривающую наказание за торговлю людьми, поскольку она имеет проблему как в наименовании, так и в содержании самой статьи.

Статья 127.1 УК РФ называется «Торговля людьми», что не отражает деяния, предусмотренного в диспозиции данной статьи, поскольку факт торговли составляет лишь договор купли-продажи (торговля — вид предпринимательской деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров [2]), а диспозиция предполагает и иные сделки в отношении человека. Совершение сделки или сделок с общим количеством передаваемых лиц не менее двух предусмотрено ч. 2 или ч. 3 статьи; только там учтена множественность передаваемых лиц, что указывает на факт несоответствия наименования статьи содержанию деяния по ч. 1 статьи.

В статье идет речь о сделках в отношении человека, что подразумевает фикцию о включении человека в состав объектов гражданских прав, и на этом основании он может являться предметом гражданско-правовых сделок. Исчерпывающего перечня сделок в статье нет, очевидно, что стоит понимать сделки так же, как предусмотрено гражданским законодательством. В соответствии со ст. 153 ГК РФ [3], сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Несмотря на то, что наименование статьи подразумевает лишь куплю-продажу, то есть возмездную сделку, диспозиция же позволяет отнести к перечню сделок и безвозмездные и иные возмездные сделки.

Действие статьи распространяется как на поименованные (содержащиеся в ГК РФ), так и непоименованные сделки, реальные и консенсуальные; возможно использование как простых правовых конструкций (договоры купли-продажи, мены, дарения), так и сложных (обеспечительная купля-продажа). Сделки, составляющие содержание объективной стороны, могут быть представлены несколькими видами: 1) договоры как разновидность сделок; 2) односторонние сделки (завещание); 3) обеспечительные сделки (залог, поручительство, независимая гарантия).

Сделка — формальный критерий, главное кроется в эффекте, который она несёт. Правовым последствием всех сделок по данной статье стоит считать переход права собственности, владения или пользования человеком.

Особенность некоторых обеспечительных сделок проявляется в двойственности их природы: при надлежащем исполнении будут расцениваться как обеспечение исполнения обязательств, при ненадлежащем исполнении и переходе соответствующего права на человека — являются мерой ответственности. Считается, что неустойка и задаток из всех обеспечительных мер одновременно являются мерами ответственности [4, с. 212].

В отношении неустойки можно сделать оговорку о том, что она должна быть штрафной, где размером штрафа будет предмет торговли — человек, иначе нельзя представить переход части человека к лицу (в случае установления неустойки в виде процентов).

Представляется, что в случае факта заключения обеспечительной сделки действия лиц будут квалифицированы как преступные только в случае перехода права собственности, правомочий владения и (или) пользования в отношении человека.

За рамками данной статьи в действующей редакции осталась передача лицом себя в собственность, владение или пользование другому лицу. Это произошло из-за того, что статья включает в себя явное использование силы и принуждения, а также признает другие формы обмана и нарушения прав человека [5, с. 14], а также в силу ратификации Федеральным законом от 26.04.2004 N 26-ФЗ «Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказания за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности» [6]. Данные действия нельзя квалифицировать в качестве сделки, поскольку лицо одновременно будет являться и стороной договора, и его предметом.

Следовало бы изменить формулировку диспозиции на одну из следующих: «Сделки, действия, направленные на передачу или получение человека в качестве вещи, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка, укрывательство» или «Сделки, действия, влекущие переход права собственности, правомочий владения и (или) пользования в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации вербовка, перевозка,

передача, укрывательство или получение», так как первая формулировка представляет диспозицию полностью из гражданско-правовых понятий, вторая — указывает на последствия сделок и действий объективной стороны, то есть выражает её суть.

Следует учитывать широкую формулировку понятия «получение», рассматривая принятие потерпевшего не только от иного лица, но и как добровольный переход потерпевшего в руки не отказавшегося преступника под влиянием обмана; в этом случае уголовной ответственности подлежит лицо, которое приобрело соответствующие правомочия в отношении человека.

Осуществление права собственности, правомочий владения или пользования в отношении человека может происходить в добровольном или принудительном порядке, хотя оба из них будут незаконными. Происходящее в принудительном порядке однозначно сопряжено с похищением или незаконным лишением свободы, а потому должно быть квалифицировано лишь по соответствующей статье УК РФ, а в случае добровольного порядка передачи человека влечёт квалификацию деяния по 127.1 УК РФ, так как похищение человека или лишение его свободы должны быть произведены вопреки его воле.

Момент возникновения прав и обязанностей сторон сделки в отношении человека (или же момент заключения сделки) является дискуссионным в юридической науке. Высказывались мнения, что торговля людьми должна признаваться оконченным преступлением в момент завладения человеком для последующей продажи или иной оплаченной передачи; что «преступление будет считаться оконченным для обеих сторон с момента заключения сделки» [7, с. 1166]. С. Ю. Юшенкова утверждает, что моментом окончания торговли следует считать выполнение своих «обязательств» по договору обеими сторонами, а применительно к договору мены — после того, как каждая из сторон передаст одного человека в собственность второй стороны и получит от другой стороны другого человека в свою собственность [8, с. 42]. Чаще верной признается точка зрения, что моментом окончания преступления является момент фактической передачи человека от одного лица к другому лицу [9, с. 90], и в этот момент сторонами выполнены корреспондирующие права и обязанности, то есть началось действие договора.

Подход, предусмотренный гражданским законодательством, что момент заключения сделки определяется консенсуальностью или реальностью сделки, может быть воспринят уголовным законом не в полной мере. Для целей ГК РФ, реальная сделка считается заключенной в момент передачи предмета сделки. Если взять такой договор, как рента, то он является реальным. Означает ли это, что договорённость о такой передаче человека (консенсуальная сделка) не влечёт уголовной ответственности? На данный вопрос стоит ответить утвердительно, поскольку для целей уголовного права это не имеет никакого значения. У сторон была воля на передачу лица с целью его последующей

эксплуатации, но обнаружение умысла «не ставит охраняемые законом общественные отношения в состояние непосредственной опасности» [10, с. 125]. Считаю, что уголовный закон принимает лишь реальную сделку как основание для уголовной ответственности, при том, что в случае, если сделка по гражданскому законодательству возможна только в консенсуальной форме, то, вопреки ему, она может быть совершена как реальная. Однако, С. Ю. Юшенкова утверждает, что «применительно к торговле людьми совершение консенсуального договора дарения, когда даритель обещает в последующем передать потерпевшего одаряемому, однако это обещание по каким-либо причинам не выполняет, надлежит квалифицировать по ст. 127.1 и ч. 3 ст. 30 УК РФ, т. е. как покушение на совершение торговли людьми» [8, с. 42].

Не всегда уголовную ответственность будут нести стороны соответствующего договора; гражданскому праву известен и договор в пользу третьего лица (третьей стороны), по которому выгодоприобретателем (лицом, получающим исполнение) по сделке является само третье лицо, которое имеет право требования к кредитору. Здесь возможно несколько исходов: если третье лицо не знало о сделке, оно не должно подлежать уголовной ответственности в силу отсутствия в деянии состава преступления. Если третье лицо знало о сделке и у него появилось право требовать исполнения по ней, то оно также не подлежит ответственности в силу отсутствия фактической передачи человека и обязательственной связи, которая начинается с момента выражения требования. Обязательство между кредитором и третьим лицом возникает после выражения требования третьим лицом, в связи с чем с момента выражения требования и его исполнения все подлежат уголовной ответственности.

Следует учитывать, что лицо, обязующееся передать человека, в действительности может и не обладать правом собственности, правомочиями владения или пользования в отношении человека, но если у его контрагента в ходе сделки возникнет восприятие сделки как заключенной, и будет совершено предоставление одной из сторон (например, уплата денежной суммы), то данные действия всё равно должны быть признаны незаконными и влекущими уголовно-правовую ответственность, но не как за торговлю людьми, а как за мошенничество, поскольку субъект преступления приобретает право на чужое имущество либо право на имущество путём обмана, что сделка будет исполнена. При том под обладанием правом собственности, правомочиями владения или пользования в отношении человека следует рассматривать как незаконное, но фактическое владение человеком, позволяющее реально осуществить отчуждение или возможность осуществления правомочий в отношении потерпевшего, после чего в силу совершения торговли, данные правомочия над потерпевшим в действительности имеет право совершать иное лицо.

Таким образом, следует изложить наименование и диспозиции ст. 127.1 УК РФ в иной редакции, так как они

не отражают сущности описанного явления. При этом многие положения гражданского права в контексте данной статьи не применяются или имеют другое значение, так как уголовный закон имеет отличную от гражданского права цель.

Литература:

1. головной кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 мая 2019 г.) // Российская газета. 1996. 18 июня; 1996. 19 июня; 1996. 20 июня; 2019. 31 мая.
2. Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ (ред. от 25 декабря 2018 г.) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 30 декабря; 2018. 28 декабря.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03 августа 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2018. № 32 (Часть II). Ст. 5132.
4. Трегубов, Е. С. К вопросу о правовой природе обеспечительных обязательств / Е. С. Трегубов // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 2 (62). Т. 2. — С. 211–214.
5. Торговля людьми и легализация преступных доходов. Вопросы противодействия: научно-практич. пособие / А. Андреани и др.; под ред. О. П. Левченко. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. — 271 с.
6. Федеральный закон от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» // Российская газета. 2004. 29 апреля.
7. Рарог А. И., Хелльманн Уве, Головненков Павел. Торговля людьми в российском и немецком уголовном праве // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). — 2008. — № 5. — С. 1162–1179.
8. Юшенкова С. Ю. Иные сделки в отношении человека как одно из действий, образующих торговлю людьми // Безопасность бизнеса. 2017. — № 4. — С. 40–45.
9. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. — М.: Статут, 2012. — 943 с.
10. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А. И. Рарог. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Проспект, 2017. — 624 с.

Основные причины экспертных ошибок в уголовном процессе

Лефтерова Валерия Валентиновна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье речь идет об основных причинах экспертных ошибок в рамках уголовного процесса. Автор дает понятие экспертной ошибки, приводит наиболее распространенную их классификацию, а также подробно анализирует те причины, которые могут привести к тем или иным ошибкам эксперта в рамках производства им экспертной деятельности в уголовном процессе.

Ключевые слова: экспертная ошибка, эксперт, уголовный процесс, судебная экспертиза, причина, классификация, анализ.

Актуальность исследования данной темы обусловлена тем фактом, что различные ошибки могут быть допущены всеми без исключения специалистами, в том числе и судебными экспертами, однако, в отличие от ошибок представителей иных профессий, ошибки экспертов в уголовном процессе могут привести к нанесению значительного общественного вреда. Тем не менее, несмотря на данный факт, в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе экспертным ошибкам и их причинам уделяется недостаточное внимание. Так, например, часто имеет место относительное поверхностный анализ экспертных ошибок, причем они рассматриваются в качестве суждения,

которое не соответствует объективной действительности в силу того, что имеет место добросовестное заблуждение. Однако, в данном случае экспертные ошибки не ограничиваются данной причиной. Соответственно, представляется целесообразным более подробно рассмотреть данную тему.

Необходимо отметить, что на протяжении нескольких последних лет имеет место тенденция к росту количества как назначений, так и, соответственно, производства различных судебных экспертиз, которые требуют многочисленных экспертных исследований. При этом исследователи также отмечают, что количество сложных, многообъектных и комплексных судебных экспертиз также

продолжает увеличиваться [4, с.19]. Соответственно, продолжает возрастать количество ошибок, имеющих место на различных этапах проведения судебных экспертиз. Необходимо отметить, что в соответствии с положениями статьи 9 ФЗ от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1], под судебной экспертизой необходимо понимать такое процессуальное действие, которое включает в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, разрешить которые можно только посредством применения специальных знаний в таких областях, как наука, техника, искусство или ремесло, и которые ставятся перед экспертом такими участниками уголовного процесса, как суд, судья, орган дознания или лицо, его производящее, следователь или же прокурор, причем целью экспертизы выступает установление обстоятельств, которые подлежат доказыванию в рамках конкретного уголовного дела.

Анализ многочисленных примеров судебной практики по большому количеству уголовных дел, разрешение которых потребовало назначение судебной экспертизы, дает возможность сделать вывод о том, что выстраивание доказательственной базы имело место, главным образом, на заключении эксперта. Причем в большинстве случаев назначение экспертизы имело место в соответствии с инициативой следователя или дознавателя, в то время как просьбы потерпевшего о назначении такой экспертизы или же ходатайство подозреваемого (обвиняемого) или их защитника о ее проведении были крайне редки.

Причин возникновения экспертных ошибок множество. В первую очередь сюда стоит отнести предоставление на экспертизу фальсифицированных документов, материалов, неполное предоставление материалов и т. д. В этом случае эксперт с самого начала идет не по тому пути, исследует совершенно не то, что нужно, и, как следствие, делает ошибочное заключение. При этом полностью сваливать вину на тех, кто эти материалы предоставил, неверно, ведь эксперт перед тем, как приступить к экспертизе, должен тщательнейшим образом проверить все материалы и убедиться, что их достаточно [3]. На этом этапе эксперт вправе обращаться с ходатайством о предоставлении дополнительных материалов или вынести заключение о невозможности провести экспертизу.

Другая причина экспертных ошибок — выбор неправильной методики проведения проверки, использование неисправных или выбор не тех технических средств, неполное изучение объектов исследования и т. д. Здесь чаще всего речь идет о недостаточной квалификации судебного эксперта, о его невнимательности либо халатности. Можно объяснить это и пресловутым человеческим фактором.

В качестве последней распространенной ошибки можно назвать вынесение неверного экспертного заключения. В этом случае эксперт проводит всю работу правильно и добросовестно, но не может сделать верные выводы из результатов проверки, установить причинно-следственную

связь. Это может происходить как из-за недостатка опыта, так и из-за отсутствия логического мышления.

В криминалистической литературе можно также встретить разделение экспертных ошибок на три класса, а именно:

1. Ошибки процессуального характера.
2. Гносеологические ошибки.
3. Операционные (деятельностные) ошибки [2].

К первому классу принято относить ошибки, совершенные в результате несоблюдения экспертом процессуальных требований или выход за рамки своей компетенции. Сюда также можно отнести ошибочные выводы, которые не основываются на результатах проверки.

Ко второму классу относятся ошибки, допущенные при изучении сущности объектов, их свойств и признаков, а также при интерпретации этих данных. К гносеологическим ошибкам также относят ошибки логического характера, о которых уже было сказано выше.

Операционные ошибки допускаются непосредственно при исследовании объектов: нарушение последовательности исследования, неправильное использование средств исследования, получение некачественного сравнительного материала и т. д.

Отдельные авторы выделяют также ошибки, которые не зависят от эксперта. Можно назвать следующие причины, в соответствии с которыми допускаются такого рода ошибки:

- отсутствует апробированная эффективная методика;
- методика, которая используется на современном этапе, во многом неэффективна и несовершенна;
- нередко используются не подходящие экспертные методики;
- используются экспертные методы, не прошедшие практическую апробацию;
- используется оборудование, которое имеет те или иные технические неполадки;
- используются методы и техника, у которых низкая чувствительность и разрешающая способность;
- физические величины измеряются с помощью несертифицированных приборов;
- используются средства измерения и эталоны, не прошедшие практическую апробацию и необходимую аттестацию;
- используются ошибочные математические модели и специализированные компьютерные программы, обладающие различными ошибками, неточностями [5].

Кроме того, можно выделить субъективные экспертные ошибки, в качестве основных причин которых могут выступать следующие:

- профессиональная некомпетентность лица, приглашенного в качестве эксперта;
- неверное оценивание идентификационной значимости признаков и результатов, которые были получены иными членами экспертной комиссии в процессе производства комплексной экспертизы;

- неполнота исследования и (или) его односторонность;
- невыполнение правил и условий использования различных методик экспертного исследования и технических средств;
- профессиональные упущения эксперта, к которым можно отнести его неаккуратность или небрежность, поверхностное проведение исследований и т. д. [3].

Соответственно, исходя из вышесказанного, можно с уверенностью резюмировать, что возможные ошибки подстерегают эксперта на каждом шагу с самого начала и до составления экспертного заключения. Причем, большая часть этих ошибок имеет субъективный характер, то есть эксперт всегда может их предотвратить, если проявит больше внимания, компетенции и логики. В качестве профилактики экспертных ошибок можно посоветовать уделять больше

внимания проверке экспертных заключений, причем, проверку лучше поручать специалистам, разбирающимся в конкретной области, имеющим соответствующую квалификацию и опыт работы.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать общий вывод о том, что те вопросы, которые непосредственно относятся к проведению экспертиз в процессе уголовного судопроизводства, нуждаются в дальнейшей научной разработке. Более глубокий анализ современного института производства судебной экспертизы даст возможность не только формирования правовой основы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации на современном этапе развития ее уголовно-правового и уголовно-процессуального законодательства, но также и значительно увеличить эффективность экспертного сопровождения уголовного процесса.

Литература:

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ: по сост. на: 08.03.2015 // СЗ РФ. — 04.06.2001. — № 23. — Ст. 2291.
2. Кудрицкая С. В. Экспертные ошибки процессуального характера и пути их предупреждения // Молодой ученый. — 2017. — № 23. — С. 195–197.
3. Омутко Т. Экспертные ошибки. Классификация. Как их избежать. — Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://exprus.ru/sro/articles/35/>. Дата обращения: 13.12.2019.
4. Основные итоги деятельности федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Минюста России за 2016 год // Статистический сборник Министерства юстиции Российской Федерации. — М., 2017. — 36 с.
5. Сарычева Н. В. Некоторые процессуальные проблемы назначения судебной экспертизы // Инновации в науке: научный журнал. — № 5 (81). — Новосибирск., Изд. АНС «СибАК», 2018. — С. 85–86.

Проблемы реализации основных положений презумпции невиновности в прениях и последнем слове подсудимого

Петракова Марина Сергеевна, студент магистратуры

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В статье рассматриваются основные проблемы реализации положений презумпции невиновности на этапе прений сторон и последнем слове подсудимого. Анализируется соответствие презумпции невиновности альтернативной позиции защитника в прениях, а также «коллизии защиты». Выявляются практические проблемы и предлагаются пути решения в вопросе самостоятельности при принятии решений прокурором. Автором обосновывается значение предоставления права подсудимому выступить с последним словом, а также возможность возобновления судебного следствия.

Ключевые слова: принцип презумпции невиновности, государственное обвинение, защитительная речь, уголовное преследование, последнее слово подсудимого, невиновность, обоснованность приговора, прение сторон.

Согласно ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [8] принцип презумпции невиновности действует до вступления приговора в законную силу, соответственно, все участники уголовного судопроизводства должны учитывать его как на этапе прений сторон, так и на последнем слове подсудимого.

Одним из дискуссионных вопросов является альтернативная позиция защитника в прениях. Такая позиция достаточно часто встречается на практике, когда в защитительной речи адвокат указывает с одной стороны, на невиновность своего подсудимого, а с другой стороны, просит суд при вынесении обвинительного приговора учесть обстоятельства, смягчающие наказание, либо

указывает на необходимость переквалификации на менее тяжкое преступление. Такое мнение выразил И. Д. Перлов, указывая, что в случае, если защитник не разделяет позицию отрицания вины своего подзащитного, он данную позицию не должен оспаривать, но в своей речи может попросить суд учесть смягчающие обстоятельства при несогласии суда с подсудимым [6, с.53]. В. А. Лазарева и Л. А. Шестакова также указывают, что альтернатива не только возможна, но и необходима в случаях, когда оснований для оспаривания обвинения явно недостаточно [5, с.277].

Однако, адвокат в данном случае косвенно говорит о возможной виновности своего доверителя, что, во-первых, нарушает принцип презумпции невиновности, во-вторых, может негативно повлиять на формирование внутреннего убеждения суда относительно невиновности лица при постановлении приговора. Более того, п. 3 ч. 4 ст. 6 федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» прямо указывает на запрет занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением убежденности адвоката в самооговоре своего подзащитного.

Защитительные позиции в прениях можно подразделяются на три вида: 1) полное отрицание вины подсудимого; 2) частичное признание виновности; 3) полное признание вины подзащитным [3].

В зависимости от согласованной со своим доверителем позицией, адвокат в прениях может принять только один из альтернативных вариантов.

Избрание двойственной позиции нарушает право подсудимого на защиту и влечет отмену приговора, что подтверждается судебной практикой. Например, адвокат Е. осуществлял защиту Г., который свою вину в содеянном не признал и от дачи показаний в судебном заседании отказался. При этом, в прениях в защиту интересов Г., просил назначить ему наказание, не связанное с лишением свободы. Суд в действиях адвоката усмотрел нарушение права на защиту, что послужило основанием к отмене приговора [9]. В другом деле вопреки позиции подсудимого, в соответствии с которой, не только отрицалась виновность в убийстве потерпевшего А., но и высказывалась позиция, ставящая под сомнение то обстоятельство, что причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего явилось следствием его умышленных действий. Однако, адвокат М., выступая в прениях в защиту интересов К., отмечая недоказанность виновности своего доверителя в совершении инкриминированного ему деяния, просил о переквалификации его действий с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) и ст. 125 УК РФ (оставление в опасности). Тем самым, адвокат М., осуществляющий защиту осужденного К., занял в судебных прениях позицию, не соответствующую позиции подзащитного, действуя вопреки его интересам. Суд пришел к выводу о наличии оснований для отмены состоявшихся судебных решений [10].

Таким образом, можно говорить о том, что адвокат, предлагая суду альтернативные позиции по делу относительно виновности своего доверителя, нарушает его право на защиту, а также принцип презумпции невиновности, поскольку адвокат как полноценный участник уголовного судопроизводства, независимо от своего внутреннего субъективного отношения, не имеет права вопреки воле своего доверителя утверждать о его виновности или косвенно об этом указывать в силу своего функционала в уголовном судопроизводстве.

Интересным также является случай, когда существуют противоречия между подсудимыми, а позиция адвоката в прениях сторон заключается в утверждении о невиновности своего доверителя, противопоставляя этому виновность другого подсудимого, так называемая «коллизонная защита в групповом процессе» [2, с.106]. Существует мнение, что такие действия защитника могут быть оправданы, когда без этого невозможно в полной мере осуществить защиту своего доверителя [5, с.276]. Однако, несмотря на сомнительный нравственный аспект такой позиции, следует сказать, что в отношении всех подсудимых действует принцип презумпции невиновности и прямое утверждение о его виновности влечет его нарушение, поэтому любые обвинения со стороны адвоката или любого другого участника процесса недопустимы.

Одной из гарантий реализации принципа презумпции невиновности является возможность прокурора во время прений сторон отказаться от обвинения или изменить его в сторону смягчения. Следует сказать, что только по итогу окончания судебного следствия у государственного обвинителя может сложиться внутреннее убеждение о виновности либо невиновности подсудимого. Поскольку все доказательства, как обвинительные, так и оправдательные, исследованы непосредственно, заявлены все ходатайства о дополнении судебного следствия, и к моменту прений сторон должна быть выстроена достаточно четкая картина относительно преступного деяния, инкриминируемого подсудимому. На момент прений сторон прокурор принимает окончательное решение о дальнейшей поддержке обвинения, либо о его отмене или изменении. Как верно отмечает В. А. Лазарева, «в окончательном виде государственное обвинение формируется (находит свое публичное выражение, адресуется суду и обществу) в обвинительной речи государственного обвинителя» [4, с.197].

Однако, существующий порядок, утвержденный Приказом Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [7], несколько ограничивает самостоятельность прокурора в решении вопроса об изменении или отмене обвинения. Так, п. 8 указанного Приказа устанавливает обязанность прокурора согласовывать такое решение с прокурором, поручившим поддерживать государственное обвинение. Однако, данная норма затрагивает не только процессуальную самостоятельность прокурора, но и презумпцию невиновности, так

как создается дополнительное препятствие к принятию решения об отмене или изменении обвинения, так как прокурор, принимавший непосредственное участие в исследовании доказательств и убедившийся в отсутствии состава преступления, инкриминируемому подсудимому, истолковавший все сомнения в пользу обвиняемого, должен убедиться в правильности принятого решения и вышестоящего прокурора. Представляется, что в данных случаях такое дополнительное обременение для государственного обвинителя излишне, поскольку может стать препятствием для беспрепятственного выражения отношения к предъявленному обвинению в прениях, тем более если речь идет о внутренней убежденности в невиновности лица. В связи с этим справедливо отмечает В. А. Лазарева: «государственный обвинитель, мнение которого формируется на основе непосредственного исследования в суде доказательств, не самостоятелен в выборе позиции по делу, ему не дано право распоряжаться государственным обвинением» [4]. Л. В. Головки ставит в связи с данной проблемой вопрос о каком «внутреннем убеждении», «непосредственном исследовании доказательств» и т. д. можно вести тогда речь, если обвинитель обязан согласовывать свою позицию с «начальником», который не присутствует в зале суда, не слышит свидетелей и т. д.?» [1]. В связи с этим, предлагаем исключить норму об обязательном согласовании с вышестоящим прокурором позиции об изменении или отмене обвинения государственным обвинителем из соответствующего Приказа Генерального прокурора России.

Важной гарантией соблюдения прав лица, подвергнутого уголовному преследованию, является предоставление возможности выступить перед судом с последним словом, что закреплено в ст. 293 УПК РФ. Подсудимый в последнем слове указывает на свое отношение к обвинению, данное право является крайне важным, поскольку на практике встречаются случаи, когда на протяжении предварительного расследования и в ходе судебного следствия лицо, подвергнутое уголовному преследованию, не признает свою вину, а в последнем слове может дать признательные показания или наоборот, на момент выступления с последним словом подсудимый может понять, что заблуждался относительно

некоторых обстоятельств, по которым дал признательные показания. В любом случае принцип презумпции невиновности действует и в данной стадии уголовного процесса.

Если участники прений сторон или подсудимый в последнем слове сообщат о новых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, или заявят о необходимости предъявить суду для исследования новые доказательства, то суд вправе возобновить судебное следствие. По окончании возобновленного судебного следствия суд вновь открывает прения сторон и предоставляет подсудимому последнее слово (ст. 294 УПК РФ). Возобновление судебного следствия можно отнести к числу важных гарантий не только установления истины, но и презумпции невиновности, поскольку эта мера способствует обоснованности приговора, осуждению только тех лиц, виновность которых, несомненно, доказана так как обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Анализируя действие принципа презумпции невиновности на этапе прений сторон и последнем слове подсудимого можно прийти к следующим выводам:

1. адвокат, независимо от своего внутреннего субъективного отношения, не имеет право вопреки воле своего доверителя косвенно указывать на его виновности, предлагая альтернативные позиции в защитительной речи;

2. при «коллизии защиты в групповом процессе» любые обвинения со стороны адвоката являются нарушением принципа презумпции невиновности и как следствие должны повлечь дисциплинарную ответственность;

3. необходимо исключить п. 8 Приказа Генерального прокурора РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», который обязывает государственного обвинителя согласовывать с вышестоящим прокурором позиции об изменении или отмене обвинения;

4. возобновление судебного следствия относится к числу важных гарантий презумпции невиновности, поскольку данная мера способствует обоснованности приговора, осуждению только тех лиц, виновность которых доказана так как обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Литература:

1. Головки Л. В. Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде: постсоветские перспективы в условиях теоретических заблуждений // Государство и право. 2012. № 2. С. 50–67.
2. Гольдинер В. Д. Защитительная речь. — М.: Юрид. Лит., 1970. 167 с.
3. Коряковцев В. В. Защитительная речь в суде с участием присяжных заседателей // Правоведение. — 2002. — № 2. — С. 109–122.
4. Лазарева В. А. Прокурор в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. — Москва: Издательство Юрайт, 2015. 295 с.
5. Лазарева В. А. Судебная речь по уголовному делу: учеб. Пособие / В. А. Лазарева, Л. А. Шестакова. — Самара: Изд-во Самарского университета, 2018. 336 с.
6. Перлов И. Д. Право на защиту. учеб. пособие. — М.: Знание. 1969. 79 с.
7. Приказ Генпрокуратуры России от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.
9. Обзор надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2012 года (Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17 октября 2012) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. январь. 2017
10. Обзор судебной практики по уголовным делам президиума Нижегородского областного суда за второй квартал 2013 года (утв. Постановлением Президиума Нижегородского областного суда от 07.08.2013) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

К вопросу о правовом статусе осужденных

Музаев Ахмед Асланович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена правовому статусу осужденного. В ней предпринята попытка сформулировать понятия правового статуса осужденного, а также уточнены структурные элементы, его образующие.

Ключевые слова: осужденный, право, свобода, законный интерес, юридическая обязанность.

To the question of the legal status of convicted persons

The article is devoted to the legal status of the convict. It attempts to formulate the concept of the legal status of the convict, as well as to clarify the structural elements that form it.

Keywords: the convicted person, rights, freedoms and legitimate interest of legal responsibility.

Правовой статус личности всегда вызывал и продолжает вызывать научный интерес у ведущих ученых. Указанная категория еще больше актуализируется, когда она анализируется во взаимосвязи с человеком, отбывающим наказание. Такое лицо в период отбывания наказания, во-первых, лишается или ограничивается некоторых прав, свобод и обязанностей гражданина Российской Федерации, во-вторых, приобретает новые специфические права, свободы и обязанности.

По нашему мнению, правовой статус осужденного базируется на общем правовом статусе гражданина Российской Федерации, поскольку человек не может быть лишен своего гражданства ни в каких случаях. Данный вывод соответствует нормам и положениям Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ). В частности, основы правового положения осужденных излагаются в ст. 10 УИК РФ, в которой установлен основополагающий статус гражданина Российской Федерации, на основе которого, посредством ограничений и изъятий, установленных уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством определено правовое положение осужденного.

Вместе с тем, во время отбывания наказания он приобретает права, свободы и обязанности специального характера, которые не присущи другим гражданам. Скажем, юридическая обязанность явиться по вызову администрации органа и учреждения, исполняющего наказания. Такая обязанность предусмотрена ч. 5 ст. 11 УИК РФ и возлагается только на осужденное лицо. Более того, отбывание уголовного наказания является основанием для отказа

в выходе из гражданства по желанию осужденного, следовательно, на такое лицо распространяются общие конституционно-правовые положения.

Несмотря на наличие большого количества научных и учебных работ, посвященных категории «правовой статус осужденного», в юридической доктрине отсутствует единое мнение относительно содержательной составляющей рассматриваемого феномена. В юридической литературе можем встретить десятки категорий, которые авторы рассматривают в качестве основных элементов правового статуса осужденных, которые составляют содержание их правового статуса. Сюда относят: правоспособность, дееспособность, гражданство, гарантии, принципы, правосубъектность, юридическая ответственность и другие [1].

Мы солидарны с авторами, которые в содержание правового статуса осужденного включают его субъективные права, свободы, законные интересы и юридические обязанности [2]. Именно об указанных структурных элементах речь идет в Конституции РФ и они, на наш взгляд, определяют связь между гражданином и государством.

При оценке правового статуса осужденных нужно анализировать три сферы: социально-экономическую, политическую и личные права и свободы.

Группа социально-экономических прав, как известно, состоит из: права на отдых, охрану здоровья и медицинскую помощь, жилище и т.д. Тут можно отметить, что они приближены к тем, какими обладают и обычные граждане, и ограничены в меньшей степени.

Если говорить о личных конституционных правах лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, то эти права значительно ограничены или видоизменены.

Глава 2 Конституции РФ закрепляет права, свободы человека и гражданина, а также гарантирует их соблюдение. Однако не всегда эти права и свободы могут быть реализованы гражданами Российской Федерации в полном объеме. Уголовные наказания, связанные с изоляцией от общества, включают в себя ряд правоограничений. Это в первую очередь касается осужденных к лишению свободы. Например, данное наказание включает в себя изоляцию осужденного от общества, следовательно, ограничивает свободу его передвижения.

Неприкосновенность жилища, охрана личной жизни, тайна переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, указанных в Конституции, не распространяются на данную категорию граждан, так как осужденные подвергаются полному и неполному личному обыску, а их вещи — досмотру.

Телефонные разговоры осужденных к лишению свободы прослушиваются, посылки, передачи, бандероли подвергаются досмотру. Тайна переписки применяется к осужденным не в полном объеме.

Несмотря на неотъемлемое право человека на жизнь, оно так же может быть ограничено в местах лишения свободы, в случае побега осужденного. Часовому на посту разрешается применять оружие на поражение во время преодоления основного ограждения осужденным [3].

Литература:

1. Кучинский В. А. Личность, свобода, право. М., 1978. С. 115.
2. Насиров Н. И. Воспитательное воздействие на осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов: ИЦ «Наука», 2014. С. 21–22.
3. Огнев К. Е., Мельникова М. В. Проблемные аспекты реализации конституционных прав в отношении осужденных к лишению свободы // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе. Материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. 2018. С. 238.

Не ограничивается также свобода совести и вероисповедания лиц, находящихся в местах лишения свободы, то есть каждый может исповедовать любую религию, также разрешается совершение каких-либо религиозных обрядов в специально отведенных местах.

Политические права предоставляют гражданам реальную возможность для участия государственных делах: право избирать и быть избранным, право на доступ к государственной службе в период отбывания наказания.

Существуют дискуссии по поводу того, что права осужденных в избирательной сфере ущемлены, и нужно ли предоставить им право голоса. Данный вопрос остается открытым и достаточно сложным в урегулировании.

Осужденные должны понимать, что в ходе реализации своих правовых статусов, разрешенных законом, они обязаны соблюдать следующие ограничения: не ущемлять прав других лиц; не нарушать порядок и условия отбывания наказания; соблюдать требования федеральных законов, определяющих порядок и условия отбывания наказаний, а также принятых в соответствии с ними нормативных правовых актов.

Таким образом, правовой статус осужденного, как специальный статус, представляет собой совокупность закрепленных в отечественном законодательстве прав, свобод, законных интересов и обязанностей, предоставляемых и возлагаемых на лиц, отбывающих наказание.

Научное издание

Право: история, теория, практика

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Оформление обложки Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Материалы публикуются в авторской редакции.

Подписано в печать 24.10.2019. Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 3,2. Тираж 300 экз.

Издательство «Свое издательство». 199004, г. Санкт-Петербург, линия 4-я В. О., д. 5

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.